

РУССКИЕ
СУДЕБНЫЕ
ПРОЦЕССЫ

УБИЙСТВО ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II

ПОДЛИННОЕ
СУДЕБНОЕ ДЕЛО

Сборник
Убийство императора Александра
II. Подлинное судебное дело
Серия «Русские судебные процессы»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=13481159

Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал император Александр II.:

Белый город; Москва; 2014

ISBN 978-5-7793-2436-6

Аннотация

Публикуемые материалы дела о совершенном революционерами-народовольцами 1 марта 1881 года террористическом акте, в результате которого в тот же день скончался от ран император Александр II, позволят читателю без посредников ощутить то время, когда в России велась беспощадная и непримиримая борьба между самодержавием и набравшей силу революционной стихией отрицания и разрушения ради своих идеалов государственного устройства. Обстоятельства жизни в России тех лет, мировоззрение террористов-революционеров, то, чем руководствовалась власть в те годы, сам судебный процесс и вопросы, затронутые на нем, не утратили актуальности и в наши дни.

Содержание

Предисловие	6
Библиография	24
Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвой коего пал в Бозе почивший государь император Александр Николаевич	26
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал император Александр II. Подлинное судебное дело

Под общей редакцией президента адвокатской фирмы «Юстина» кандидата юридических наук В.Н. Буробина

На обложке:

Портрет императора Александра II Литография Александра Мюнстера

На контртителе:
Егор Ботман. Портрет императора Александра II. 1872 Дагестанский музей изобразительных искусств имени П.С. Гамзатовой, Махачкала

Предисловие

...Самый благотворный закон не может сделать людей благополучными, если они не потрудятся сами устроить свое благополучие под покровительством закона...

Манифест «Об освобождении крестьянства» 1861

Угроза жизни ни в чем не повинных людей или их гибель в результате террора с древности была проблемой, подрывающей основополагающие устои общества и государства. Неспешно пройдя период Средневековья, набрав скорость в XIX и XX веках, в современном мире эта проблема переросла суверенные границы государств и вышла на международный уровень. Сегодня государства вынуждены объединяться в стремлении обуздать растущий в разных направлениях терроризм и деятельность террористических организаций.

Латинское слово *terror*, первоначально означающее страх или ужас, сегодня, к сожалению, стало общеупотребимым термином. Определение и значение данного термина эволюционировало вместе с обществом и государствами. Особо стоит отметить Французскую революцию и события, предшествующие ей, а также XIX век, которые создали почву для современного понимания терминов «террор» и «терроризм». Терроризм в этот период не обошел и нашу страну. Выстрелы Веры Засулич, многочисленные покушения и убийства, совершенные народовольцами, явились предтечей лихого времени терроризма в России¹. У сегодняшнего читателя этой книги еще свежи в памяти многочисленные и чудовищные по своей жестокости террористические акты последних лет в токийском метро, в Нью-Йорке, Буденновске, Кизляре, Буйнакске, Москве, Беслане и многие другие, унесшие и покалечившие тысячи людских жизней.

С ростом терроризма международная правовая мысль искала его правильное определение, а государства предпринимали попытки его законодательного предупреждения и запрещения. Исследователи терроризма классифицировали его по характеру, целям, сферам применения, формам и методам. Международное сообщество осознало, что терроризм представляет угрозу миру и безопасности, развитию дружественных отношений между странами, сохранению территориальной целостности государств, их политической, экономической и социальной стабильности, а также осуществлению основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь. В этой связи в конце XX – начале XXI века международными организациями был принят ряд документов, посвященных терроризму, в числе которых Международные конвенции ООН «О борьбе с захватом заложников», «О борьбе с бомбовым терроризмом», «О борьбе с финансированием терроризма», Шанхайская конвенция «О борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом», Конвенция Совета Европы «О предупреждении терроризма» и другие. Сегодня весь мир признал, что терроризм ни при каких обстоятельствах не может быть оправдан соображениями политического, философского, идеологического, расового, этнического, религиозного или иного характера. Однако парадокс терроризма как явления, запрещению которого уделяется так много внимания на международной арене, заключается в том, что международное сообщество, составив списки организаций террористической направленности, до сих пор не пришло к единому юридическому определению термина «терроризм». Это обстоятельство, безусловно, может быть объяснено множеством факторов, основанных прежде всего на внутренней политике государств

¹ Только от терактов, совершенных членами партии эсеров в 1906–1907 годах, было убито и ранено четыре с половиной тысячи должностных лиц. См.: Никонов В. Крушение России. 1917. М.: АСТ; Астрель; Минск: Харвест, 2011. С. 81.

– участников мирового сообщества, но это не снимает проблемы и, кроме того, создает правовую неопределенность в международных правоотношениях.

В современном российском законодательстве, в отличие от международных правовых норм, терроризму и террористическому акту даны правовые определения, они содержатся в статье 3 Федерального закона «О противодействии терроризму». Так, под терроризмом понимается идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и/или иными формами противоправных насильственных действий. Под террористическим актом законодатель понимает совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

Так почему же терроризм является таким сложным явлением в социально-политической жизни общества? Что движет молодыми в основной своей массе людьми, готовыми отдавать свои жизни и забирать чужие? Каковы причины возникновения терроризма и кто такие террористы? Является ли терроризм побочным или обычным явлением развития общества и государства? Можно ли победить терроризм при современном уровне развития мирового сообщества? Могут ли закон и право стать инструментарием в борьбе с терроризмом и причинами, его вызывающими? Эти вопросы возникают перед многими исследователями, в том числе юристами, психологами, историками. Вряд ли на подобные вопросы найдутся однозначные ответы. Но история России сохранила память о многих трагедиях, и каждый из нас может самостоятельно поразмышлять над этой темой. Одна из них – гибель императора Александра II, и материалы судебного дела, одного из первых громких дел русских террористов, позволяют прикоснуться к изучению терроризма как преступного явления.

Первое марта 1881 года навсегда вошло в историю России: в этот день от ран, полученных при устроенном народовольцами взрыве, погиб ярчайший представитель династии Романовых – император всероссийский Александр II.

Александр Николаевич Романов был старшим сыном великого князя, будущего императора Николая I и великой княгини Александры Федоровны. В возрасте семи лет, по вступлении Николая I на царствование, Александр Николаевич был провозглашен наследником всероссийского престола. С этого времени лучшие учителя и личный наставник, известный поэт В.А. Жуковский, разработавший план обучения, начали готовить цесаревича к будущему царствованию. Занять царский престол, опустевший после смерти отца, Александру II было суждено уже состоявшимся человеком в возрасте 36 лет (хотя формально коронация состоялась только через год – в 1856 году).

Историки схожи в своих оценках непростого положения дел в России в начале царствования Александра II. Финансово истощенная проигранной кровопролитной Крымской войной, потерявшая часть территории и лишившаяся флота на Черном море, погруженная в кризис, Россия остро нуждалась в переменах. И именно перемены, санкционированные и проведенные Александром II, явились главным результатом его царствования. Они же стояли ему жизни.

Вошедший в историю как государь-освободитель, Александр Николаевич Романов запомнился многочисленными реформами, первой и самой главной из которых была крестьянская. «Осени себя крестным знамением, православный народ, и призови с нами Божие благословение на твой свободный труд, залог твоего домашнего благополучия и блага общественного» – с этими словами Александр II решил воплотить то, на что не осмеливались

его предшественники. Встреченный неоднозначно и современниками, и потомками, а самое главное, самими крестьянами, Манифест 19 февраля 1861 года волею царя освободил Россию от крепостного права. Последовавшие следом финансовая реформа, реформа образования (включая университетскую и школьную), военная реформа (по которой 25-летний рекрутский набор сменился всеобщей воинской обязанностью и были приняты новые воинские уставы), административная и Земская реформы (введение всесословных органов местного самоуправления – земств и городских дум) существенно преобразовали жизнь российского общества того времени. Особо следует выделить имеющую огромное значение для всех юристов Судебную реформу Александра II. Данная реформа была безусловным прорывом правовой мысли того времени. Разработанная видными юристами, она заложила основные принципы демократического судопроизводства в России (принятие новых Судебных уставов, отделение судебной власти от власти исполнительной; введение равенства всех сословий перед законом, принципа независимости и несменяемости судей, принципа гласности в гражданском и уголовном процессах; принципа состязательности и права обжалования судебных актов сторонами; отказ от теории формальных доказательств; образование мировых судов для маловажных дел, устройство прокурорского надзора, а также расширение функций прокурора в гражданском и уголовном процессе; учреждение адвокатуры или института присяжных поверенных; введение суда присяжных, учреждение кассационного суда, введение институтов судебных приставов и нотариата). Стоит привести знакомые многим юристам слова из указа Александра II о публикации Судебных уставов: «Рассмотрев сии проекты, Мы находим, что они вполне соответствуют желанию Нашему водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого от высшего до низшего».

Император Александр II Фото Сергея Левицкого. 1860-е

Что касается внешней политики Александра II, то историки обоснованно относят к его заслугам возврат Россией прав на Черное море и территорию Бессарабии, присоединение Батума и турецкого Карса, освобождение балканских христиан от османского ига и т. д.

Но помимо государственного деятеля, Александр Николаевич Романов был еще и человеком, которому не чужды радости и скорби, сопровождающие жизнь. У него было восемь

детей от первого брака и четверо от второго морганатического брака² с княжной Долгоруковой (впоследствии светлейшей княгиней Юрьевской). Ему было суждено пережить личные трагедии – смерть в шестилетнем возрасте первой дочери Александры и смерть в возрасте 22 лет старшего сына, наследника престола цесаревича Николая.

История не раз показывала нам, что реформы зачастую не находят поддержки всего общества. Не явились исключением и реформы Александра II. «Неполное» освобождение крестьянства, непрекратившийся произвол чиновников, контрреформы, репрессии студенчества, месть революционеров за погибших и сосланных на каторгу товарищей – это только часть причин, по которым Александр II как царь-самодержец был выбран «виновником» всех бед России того времени. Часть молодых людей, прозванных современниками «нигилистами», решила бороться именно с царем, полагая, что, избавившись от самодержавия, Россия заживет намного лучше. И вот, начиная с 1866 года, на протяжении 15 лет представители разных классов российского общества, поодиночке или объединившись в группы или партии, предпринимали попытки лишить жизни императора Александра II. В последующем эти попытки историки назовут «охотой на царя». Для более глубокого понимания того времени и ситуации, в которой оказался Александр II, стоит напомнить эти покушения.

Четвертое апреля 1866 года стало отправной точкой в череде покушений на жизнь Александра II, а возможно, и в истории российского терроризма. В этот день дворянин Саратовской губернии, бывший студент Казанского и Московского университетов Дмитрий Владимирович Каракозов произвел выстрел из револьвера в царя, когда тот выходил из Летнего сада после ежедневной прогулки (тогда еще без какой-либо охраны). Александр II остался невредим, никто также не пострадал. Есть несколько версий неудачи покушения: по одной из них, Каракозову помешал крестьянин Осип Комиссаров, который, увидев револьвер у Каракозова, ударил его по руке в момент выстрела; по другой – Комиссаров сделал это нечаянно, случайно толкнув в толпе руку Каракозова с револьвером; иные же полагают, что Каракозов просто промахнулся, не обладая навыками стрельбы. По некоторым сведениям, на вопрос Александра II о причинах, побудивших Каракозова на выстрел, последний ответил: «Потому что ты обманул народ – обещал ему землю, да не дал». По другим данным, Каракозов ответил: «Ваше величество, вы обидели крестьян». Каракозов был задержан и передан в распоряжение особой следственной комиссии. На следствии признал вину и в своих показаниях указал, что считает Александра II виновным в крестьянских бедах и главным врагом. Каракозов считал, что после убийства царя остальные враги – дворяне, помещики и чиновники – струсят и откажутся от угнетения простого люда. Следствием было установлено, что Каракозов являлся членом тайных московских кружков «Организация» и «Ад», часть участников которых имела целью цареубийство. По окончании следствия Каракозов был вместе с другими участниками «Организации» предан Верховному уголовному суду, который приговорил его к смертной казни через повешение. Процессуальные нормы того времени не позволяли обжаловать приговор Верховного уголовного суда, но позволяли осужденному подать прошение на имя царя с просьбой о помиловании. Такое прошение было представлено Александру II и было отклонено царем с резолюцией: «Лично я в душе давно простил ему, но, как представитель верховной власти, я не считаю себя вправе прощать подобного преступника»³. Через три дня после оглашения приговор был приведен в исполнение на Смоленском поле Санкт-Петербурга. Остальные 34 участника «Организации» и «Ада» были также осуждены и приговорены к различным наказаниям: каторге, ссылке, тюремному заключению.

² Морганатический брак – женитьба лица, принадлежащего к царствующему дому, на женщине нецарского рода; такой брак не дает права престолонаследия ни жене, ни детям.

³ Шилов А.А. Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. Пг.: ГИЗ, 1920. С. 47.

Уже через год – 25 мая 1867 года – во время визита Александра II в Париж для посещения Всемирной Парижской выставки было совершено второе покушение на его жизнь. Антон Березовский, польский дворянин, эмигрировавший во Францию, желая отомстить за жестокое подавление Польского восстания 1863 года, выстрелил в коляску, в которой ехали Александр II с сыновьями Александром и Владимиром и император Наполеон III. От выстрела пострадали лишь лошадь французского офицера эскорта и сам Березовский, у которого от разрыва двустольного пистолета была повреждена рука. Березовский был осужден французским судом присяжных и приговорен к пожизненной каторге в Новой Каледонии.

Пять выстрелов, произведенных 2 апреля 1879 года во время утренней прогулки Александра II у Зимнего дворца, стали третьим покушением на его жизнь. Стрелявшим оказался Александр Константинович Соловьев, дворянин, отставной коллежский секретарь, бывший учитель истории и географии, бывший студент юридического факультета Петербургского университета. Александр II не пострадал: ему помогло знание воинского дела – после первого выстрела, увидев стреляющего, он стал убегать от него не по прямой линии, а зигзагами, что, как утверждают историки, его и спасло. При задержании Соловьев принял яд, однако был спасен медиками. На следствии Соловьев вину признал, так же как и свое членство в обществе «Земля и воля», однако показал, что замысел на убийство был его личной инициативой с целью изменения существующего государственного и общественного строя, что можно осуществить только силой. Он был осужден так же, как и Каракозов, специально назначенным Верховным уголовным судом, который лишил его всех прав состояния и приговорил к смертной казни через повешение. Правом на подачу прошения о помиловании Соловьев не воспользовался, и приговор был приведен в исполнение через три дня после оглашения.

Осенью 1879 году началась системная «охота на царя» – Исполнительный комитет партии «Земля и воля» (через несколько месяцев ставший костяком партии «Народная воля») на Липецком съезде вынес смертный приговор Александру II. Началось организованное планирование и подготовка покушений не террористами-одиночками, а сообществом людей, поставившим своей целью во что бы то ни стало изменить существующий в России строй посредством царевубийства. Дошедшие до нас сведения говорят о семи покушениях (считая и приготовления к покушениям) народовольцев на царя после Липецкого съезда.

Зная о ежегодных поездках царя на отдых в Крым и обратно, народовольцы приняли решение устроить ряд покушений по пути следования царского поезда. В качестве мест планируемых покушений были избраны Одесса, Александровск и Москва, и туда направились специальные группы, приступившие к приготовлению взрывов. В октябре 1879 года народовольцам стало известно, что царь изменил маршрут следования и решил не заезжать в Одессу, поэтому работы по подготовке взрыва, начатые около станции Гниляково близ Одессы, были прекращены. В начале ноября 1879 года группа народовольцев под руководством Андрея Желябова заложила взрывчатку под железнодорожное полотно близ Александровска, однако при проезде царского поезда 18 ноября взрыва не произошло, так как не сработало взрывное устройство. Подготовленный в Москве третьей группой народовольцев во главе с Софьей Перовской взрыв железнодорожного полотна произошел 19 ноября 1879 года, однако и он не достиг своей чудовищной цели, поскольку царский поезд вместе с Александром II прошел раньше времени, а взрыв пришелся на поезд сопровождения царя.

Пятого февраля 1880 года в Зимнем дворце во время подготовки к ужину императорской семьи прогремел взрыв, непосредственно подготовленный народовольцем Степаном Николаевичем Халтуриным, выходцем из крестьян. Устроившись на работу для ремонта подвала в Зимнем дворце, Халтурин постепенно проносил взрывчатку для подготовки взрыва. По разным данным, в результате взрыва погибло около 10 человек и около 80 было

ранено. Царь не пострадал из-за задержки с выходом в столовую. После покушения Халтурин скрылся и был задержан властями под именем Николая Степанова только в 1882 году в Одессе после соучастия в убийстве прокурора Стрельникова. За это преступление он был приговорен военно-полевым судом к смертной казни через повешение также под именем Николая Степанова.

Неудачи не останавливали народовольцев в попытках реализовать свои планы. Следующее покушение планировалось совершить весной 1880 года в Одессе при проезде императора с железнодорожного вокзала на морской порт. Планировалось заложить взрывчатку в подкоп под Итальянскую улицу, по которой, предположительно, должен был проследовать царь. Но в связи с прибытием царя в Одессу ранее срока подготовительные работы не успели закончить, и очередная попытка цареубийства провалилась.

В августе 1880 года в качестве места покушения был избран Каменный мост по Гороховой улице в Петербурге, который было решено взорвать в момент проезда царской кареты. Несмотря на то что приготовление к покушению произошло успешно и мина, сделанная из четырех мешков динамита, была заложена под мост, в назначенную дату 17 августа взрыва не произошло. Существуют разные версии события: по одной, опоздал из-за отсутствия часов один из сообщников Желябова – Тетерка, по другой – царь проехал ранее планируемого времени.

Полагаю, что Александр II не предполагал, начиная либеральную университетскую реформу, что она вызовет студенческое движение, объединение студентов в кружки и партии, что появится поколение «бунтарей», которое в силу возраста и образования не захочет довольствоваться тем, что имеет. Начиная реформы и, безусловно, желая лучшей доли своему народу, Александр не думал, что столкнется с кризисом доверия народа к самодержавной власти, а также что окажется на месте жертвы «охотников». Власти допустили просчет и пытались найти выход из сложившейся ситуации. «Известен случай, что Александр II, тот самый, обложенный революционерами, семижды искавшими его смерти, как-то посетил Дом предварительного заключения на Шпалерной («дядю» Большого дома) и в одиночке 227 велел себя запереть, просидел больше часа – хотел вникнуть в состояние тех, кого он там держал»⁴.

Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов

Но власть есть сила, и с позиции силы Александр не мог оставить без ответа состоявшиеся покушения. Такими ответами в разные годы стали контрреформы и ужесточение законодательства, введение в Москве, Санкт-Петербурге, Киеве, Варшаве, Одессе, Харькове постов генерал-губернаторов, которым были предоставлены особые полномочия, а также

⁴ Солженицын А. Архипелаг Гулаг. Гл. 4: Голубые канты. М.: Просвещение, 2010. С. 68.

учреждение в 1880 году Верховной распорядительной комиссии по охранению государственного порядка и общественного спокойствия во главе с М.Т. Лорис-Меликовым, наделенным полномочиями, которых ранее не было ни у одного чиновника империи (отметим, что, когда Александр был еще ребенком, его отец, император Николай I, спросил его, как бы он поступил с декабристами, на что маленький Александр ответил: «Я бы их простил»⁵). Стоит особо остановиться на фигуре Михаила Тариеловича Лорис-Меликова – именно ему принадлежит авторство первой русской конституции, основной идеей которой было привлечение представителей общественных учреждений и выборных депутатов к участию в разработке некоторых мероприятий и законодательных предложений. Первый шаг для воплощения этой идеи, а именно проект правительственного сообщения о привлечении выборных от общества к законотворчеству был подписан Александром II утром 1 марта 1881 года и должен был быть рассмотрен через четыре дня на заседании Совета министров. Реализация проекта Лорис-Меликова могла бы изменить ход общественно-политического развития России, но история распорядилась иначе.

Трагедии, которая легла в основу исследуемого нами судебного процесса, суждено было состояться 1 марта 1881 года (первое воскресенье Великого поста), когда народо-вольцы предприняли очередную попытку покушения, унесшую жизнь Александра II. При возвращении императора с развода, на набережной Екатерининского канала, у сада Михайловского дворца, было совершено покушение на его жизнь посредством двух взрывчатых метательных снарядов. В результате второго взрыва Александр II получил тяжелые ранения, от которых он через некоторое время скончался в Зимнем дворце, куда его доставили сразу после взрыва. От взрывов, помимо царя и его убийцы, пострадало еще 20 человек, двое из которых умерли (одним из умерших был четырнадцатилетний крестьянский мальчик).

Набережная Екатерининского канала у сада Михайловского дворца на следующий день после покушения на Александра II

Непосредственно на месте преступления был задержан виновник первого взрыва, девятнадцатилетний сын управляющего лесопильным заводом, мещанин города Тихвина Николай Иванович Рысаков, который при задержании представился фамилией Грязнов. На месте преступления был также задержан тяжело раненный виновник второго взрыва, умерший от ран через несколько часов. Умерший был опознан как Николай Степанович Ельни-

⁵ Ляшенко Л. Александр II, или История трех одиночеств. М.: Молодая гвардия, 2010. С. 113.

ков, при этом и следствие, и суд исходили из того, что это не настоящее, а вымышленное имя. На самом деле это был Игнатий Иоахимович Гриневицкий, из польских дворян, бывший студент Петербургского технологического университета. Нам не удалось с точностью установить время, когда официально стало известно его настоящее имя – по одним сведениям, это было выяснено на «процессе двадцати», по другим – только в советские времена. Однако можно с точностью сказать, что «Былое» – журнал, посвященный истории освободительного движения, – в первом своем номере за январь 1906 года указывает на Гриневицкого как непосредственного цареубийцу.

На следующий день, 2 марта, от одного из лиц, арестованных 27 февраля 1881 года по подозрению в покушениях на царя, совершенных в 1879–1880 годах, – Андрея Ивановича Желябова – поступило заявление, в котором он требовал «приобщить» его к делу 1 марта: «...если Рысакова намерены казнить, было бы вопиющей несправедливостью сохранить жизнь мне, многократно покушавшемуся на жизнь Александра II и не принявшему физического участия в умерщвлении его лишь по глупой случайности». Впоследствии следствие и суд установят, что именно Желябов являлся одним из лидеров террористов.

Позднее, в период с 3-го по 17 марта, были задержаны еще четыре человека, подозреваемых в совершенном преступлении: мещанка Геся Мировна Гельфман, крестьянин Тимофей Михайлов, дворянка Софья Львовна Перовская (дочь бывшего губернатора Санкт-Петербурга Льва Николаевича Перовского) и сын священника Николай Иванович Кибальчич. Таким образом, по подозрению в причастности к цареубийству было задержано шесть человек.

Уже через 25 дней после совершенного преступления по окончании следствия над задержанными состоялся суд. Уголовно-процессуальные нормы того времени не регламентировались сроками проведения следствия, но столь краткие сроки следствия можно объяснить прежде всего резонансностью дела, а также скорым задержанием подозреваемых лиц и признанием ими своей вины.

Согласно принятым в период проведения Александром II Судебной реформы судебным уставам (1864 года), государственные преступления могли рассматриваться в общем порядке уголовного судопроизводства – либо судебными палатами, либо (по высочайшему повелению царя) Верховным уголовным судом. Следует отметить, что дела по обвинению Соловьева и Каракозова по распоряжению Александра II рассматривал именно Верховный уголовный суд, который, нужно сказать, не был постоянно действующим судебным органом, а учреждался по мере необходимости по особому императорскому указу и состоял из председателя Государственного совета, председателей департаментов совета и первоприсутствующих в кассационных департаментах Правительствующего сената. Уставом уголовного судопроизводства 1864 года дознание (так же как и предварительное следствие) было возложено на членов судебных палат и судебных следователей, за которыми был установлен прокурорский надзор. Однако ряд проведенных политических процессов заставил власти внести изменения в процессуальные нормы, и с 19 мая 1871 года производство дознания по делам о государственных преступлениях было передано Отдельному корпусу жандармов. Согласно изменениям, внесенным 7 июня 1872 года в Устав уголовного судопроизводства, производство по делам о государственных преступлениях также становилось подсудно вновь созданному специальному органу – Особому присутствию Правительствующего сената. Девятого августа 1878 года был принят закон «О временном подчинении дел о государственных преступлениях и о некоторых преступлениях против должностных лиц ведению военного суда, установленного для военного времени», согласно которому военным судам передавались дела о государственных преступлениях, сопряженных с вооруженным сопротивлением властям.

Таким образом, как мы видим, дело о цареубийстве могло было быть передано на рассмотрение нескольких судов в зависимости от решения царя. Высочайшим указом взошедшего на престол Александра III дело об убийстве Александра II было передано на рассмотрение Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях.

Особое присутствие Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях в соответствии со ст. 1059, 1061 Устава уголовного судопроизводства было составлено из первоприсутствующего и пяти сенаторов, назначенных высочайшей властью. Учитывая характер дела (государственное преступление), к Особому присутствию Правительствующего сената были присоединены один из губернских предводителей дворянства, один из уездных предводителей дворянства, один из городских глав губернских городов Европейской России и один из волостных старейшин Санкт-Петербургской губернии.

Заседание Особого присутствия Правительствующего сената длилось пять дней и проходило с 26 по 30 марта 1881 года. Формально процесс проходил в открытом режиме, однако присутствовать в зале суда могли только обладатели специальных билетов, на каждом из которых указывалась фамилия, имя и отчество, а также звание владельца, подписи инспектора здания судебных установлений и прокурора судебной палаты и сургучная печать⁶.

⁶ Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С. 79.

Обложка дела 1 марта 1881 года Государственный архив Российской Федерации

Перед тем как открыть судебный процесс, судом в распорядительном заседании, проведенном до открытия основного судебного заседания, было рассмотрено заявление Желябова о неподсудности его дела Особому присутствию Правительствующего сената как суду коронному, сделанное им 25 марта 1881 года, за день до начала рассмотрения дела. В поданном заявлении Желябов указывал, что действия, за которые он предан суду, направлены против правительства; что правительство есть заинтересованная сторона; что Особое присутствие, состоящее из правительственных чиновников, не может рассматривать это дело и оно должно подлежать рассмотрению присяжных заседателей как представителей обществен-

ной совести и не связанных в своих действиях присягой на верную службу одной из заинтересованных в деле сторон. Суд квалифицировал сделанное Желябовым заявление как отвод о неподсудности дела и, рассмотрев его по правилам ст. 600 и п. 2 ст. 1031 Устава уголовного судопроизводства, отклонил. Нам представляется интересной позиция суда, который рассмотрел это заявление по правилам двух институтов – отвода и подсудности. Уголовно-процессуальные нормы того времени предоставляли подсудным право отвода суда по четырем основаниям, которые служили прообразом современного понятия личной прямой или косвенной заинтересованности в исходе дела. Вопрос подсудности регулировался главой 4 Устава уголовного судопроизводства «О порядке разрешения пререканий о подсудности» в случаях, когда возникала неопределенность относительно полномочного суда. Однако в рассматриваемом случае суд присяжных вообще не был наделен компетенцией по рассмотрению дел о государственных преступлениях, поскольку вмененное обвиняемым преступление предусматривало наказание, соединенное с лишением прав состояния.

Полагаю, что современным юристам должны быть интересны как описания фактических обстоятельств преступления, изложенные в материалах дела, так и речь товарища прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьева, речи подсудимых и особенно их защитников – присяжных поверенных Алексея Михайловича Унковского, Константина Федоровича Хартулари, Августа Антоновича Герке 1-го, Владимира Николаевича Герарда и Евгения Ивановича Кедрина. Мы же, не вдаваясь в подробности пересказа всего дела, остановимся на двух его аспектах – на предъявленном обвинении, а также на объяснениях подсудимых относительно тех обстоятельств, которые толкнули их на путь террора.

Всем подсудимым было предъявлено обвинение в совершении государственных преступлений, предусмотренных главами «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома» и «О бунте против власти верховной и о государственной измене» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1866 года (далее – Уложение о наказаниях), а именно ст. 241, 242, 243 и 249 (Михайлов, помимо указанного, обвинялся также в преступлении, предусмотренном ч. 2 ст. 1459 Уложения о наказаниях в редакции 1878 года). Основная фабула предъявленных обвинений сводилась к тому, что подсудимые:

1) вступили в тайное сообщество – «Русскую социально-революционную партию», имеющее целью свергнуть посредством насильственного переворота существующий в империи государственный и общественный строй, причем преступная деятельность этого сообщества проявилась в ряде посягательств на жизнь императора, убийств и покушений на убийство должностных лиц и вооруженного сопротивления властям;

2) принадлежа к этому сообществу и действуя для достижения его целей, они решили между собой и с другими лицами лишить жизни императора, для чего:

а) из подвальной лавки в доме № 56—8 по Малой Садовой был проведен подкоп под улицу с устроенным в нем аппаратом для взрыва динамита при проезде государя императора и

б) 1 марта 1881 года при проезде императора Александра Николаевича по набережной Екатерининского канала Рысаков бросил взрывчатый снаряд под императорскую карету, последствием чего был взрыв; последовавший второй взрыв, произведенный другим участником сообщества, и причинил государю тяжкие ранения, повлекшие его кончину. При этом Желябов, замыслив преступление, руководил подготовкой к нему и склонил к нему Рысакова; Перовская, по задержании Желябова 27 февраля, не только сменила его, но и руководила совершением покушения; Тимофей Михайлов участвовал в приготовлениях, а также находился на месте преступления, вооруженный метательным снарядом; Гельфман была хозяйкой конспиративных квартир, в которых происходили совещания и подготовка преступления; Кибальчич изобрел и изготовил четыре метательных снаряда, в результате взрыва

одного из них императору были причинены телесные повреждения, от которых он вскоре скончался.

Дополнительно подсудимые обвинялись в иных покушениях на жизнь Александра II, а именно: Желябов – в покушении 18 ноября 1879 года близ города Александровска, Перовская – в покушении 19 ноября 1879 года близ Москвы, Кибальчич – в покушении близ Александровска и подготовке покушения около Одессы осенью 1879 года.

Единственно возможной санкцией за вмененные преступления было лишение всех прав состояния и смертная казнь. Лишение всех прав состояния и смертная казнь как вид ответственности предусматривались ст. 17 Уложения о наказаниях. Согласно ст. 22 Уложения о наказаниях, первая часть из данного наказания, а именно лишение прав состояния, заключалась в том, что дворяне теряли дворянство и все преимущества, с ним связанные; духовенство лишалось духовного сана и звания с потерей всех преимуществ, ему предоставленных; почетные граждане и купцы лишались доброго имени и всех преимуществ, им присвоенных; лица прочих классов лишались доброго имени и прав, полагающихся каждому из классов. Помимо этого, лишение всех прав состояния также сопровождалось лишением почетных титулов, чинов, орденов и прочих знаков отличия, а также изъятием принадлежащих осужденному грамот, дипломов, патентов и аттестатов. Закон устанавливал, что последствия лишения всех прав состояния не распространяются ни на жену, ни на детей осужденного. Что касается смертной казни, то существовало несколько ее видов, применение которых определял суд в приговоре в зависимости от социального положения преступника. Однако в соответствии со ст. 1069 Устава уголовного судопроизводства осужденные могли рассчитывать на милость царя, который своей волей мог помиловать осужденных к смерти, заменив смертную казнь на иной вид наказания, что в том числе и было сделано по делу 1 марта в отношении Геси Гельфман. Она известила Особое присутствие Правительствующего сената о том, что находится на четвертом месяце беременности, и суд, приговорив ее к лишению прав состояния и смертной казни, отсрочил приведение приговора в исполнение, а в последующем Александр III удовлетворил ее прошение о помиловании, заменив смертную казнь вечной каторгой (впрочем, Гельфман вскоре после родов умерла).

Возвращаясь к показаниям подсудимых, данным ими в суде относительно причин, толкнувших их на путь террора, можно, на первый взгляд, сделать вывод, что первоначально ими двигали исключительно благие намерения, такие как стремление к поднятию экономического благосостояния народа, а также уровня его нравственного и умственного развития. Каждый из них присоединялся к движению добровольно, поскольку разделял его цели и программу. И только когда власть начала преследовать «пошедших в народ» за подобную деятельность, вновь образованной «партией» было решено прибегнуть к террору как средству «сломления деспотизма» и достижения новых политических форм правления. Подсудимый Кибальчич так прокомментировал эту ситуацию: «Если бы обстоятельства сложились иначе, если бы власти отнеслись, так сказать, патриархально, что ли, к деятельности партии, то ни крови, ни бунта, конечно, теперь бы не было. Мы все не обвинялись бы теперь в царевубийстве, а были бы среди городского крестьянского населения. Ту изобретательность, которую я проявил по отношению к метательным снарядам, я, конечно, употребил бы на изучение кустарного производства, на улучшение способа обработки земли, на улучшение сельскохозяйственных орудий и т. д.».

Вместе с тем программа «Народной воли» по поводу применяемых средств политической борьбы указывала, что «террористическая деятельность, состоящая в уничтожении наиболее вредных лиц правительства, в защите партии от шпионства, в наказании наиболее выдающихся случаев насилия и произвола со стороны правительства, администрации и т. п., имеет своей целью подорвать обаяние правительственной силы, давать непрерывное доказательство возможности борьбы против правительства, поднимать, таким образом, револю-

ционный дух народа и веру в успех дела...»⁷. Главная же цель «Народной воли» было свержение самодержавия и переход власти в руки народа.

Признавая терроризм как средство борьбы, народовольцы оговаривали условия его применения. В этой связи интересен протест Исполнительного комитета «Народной воли» против покушения анархистов на президента США Д. Гарфилда: «В стране, где свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей, – в такой стране политическое убийство как средство борьбы есть проявление того же духа деспотизма, уничтожение которого в России мы ставим своей задачей. Деспотизм личности и деспотизм партии одинаково предосудительны, и насилие имеет оправдание только тогда, когда оно направляется против насилия»⁸.

Касательно партии как общности народовольцев, то в материалах судебного дела, с учетом исследованных доказательств и показаний обвиняемых, партия «Народная воля» или, как ее еще называли, «Русская социально-революционная партия» квалифицируется как тайное общество, имеющее своей целью ниспровержение посредством насильственного переворота существующего в России государственного и общественного строя. Внутреннее устройство партии состояло из идеологического или руководящего органа – Исполнительного комитета, а также агитационной группы для пропаганды и руководства движением и боевой дружины, или террористического отдела. Подсудимые также указывали, что, занимаясь революционной деятельностью, средства к существованию получали из фонда партии.

Суд установил, что программа политической борьбы народовольцев была пересмотрена в 1879 году и цареубийство было признано единственно возможным методом достижения целей партии.

Помимо целей, преследуемых «Народной волей», подсудимый Рысаков указал также свои цели, которые он видел в удачном цареубийстве, а именно: 1) прекращение вообще террора, уже ненужного при новом строе; 2) свободное развитие мирной социалистической пропаганды; 3) устранение экономических причин, могущих вызвать кровавый деревенский, аграрный террор, направленный против ближних врагов крестьянства, – бесформенный народный бунт, недоступный для руководства партией и притом столь страшный по своим последствиям, что, по подлинным словам Рысакова, даже «мы, закоренелые злодеи, и те пугались его», и, наконец, 4) устранение непримиримо враждебного отношения верховной власти к социалистам.

В свете причин, побудивших подсудимых к терроризму, обращает на себя внимание фанатичная преданность Желябова, Кибальчича, Перовской, а также Гриневицкого (что следует из его «завещания») их идеям, их полное самопожертвование ради той высшей цели, которую они себе сами определили. Кроме того, в своих показаниях Желябов, Кибальчич, Перовская, признавая свою вину, всячески подчеркивали непричастность к цареубийству Гельфман и Михайлова, пытаясь тем самым спасти их от ответственности. В то же время эти обстоятельства не помешали народовольцам уносить жизни ни в чем не повинных людей и приносить страдания их семьям.

Кроме указанного выше, для понимания целей партии необходимо обратиться к событиям, которые имели место после цареубийства и не были отражены в материалах дела. Через несколько дней после трагедии 1 марта Исполнительный комитет «Народной воли» подготовил обращение к Александру III, в котором указывались условия замены революционного движения мирной работой. Такими условиями были общая амнистия по всем политическим преступлениям прошлого времени, поскольку это были не преступления, но исполнение гражданского долга, и созыв представителей от всего русского народа для пересмотра

⁷ 1 марта 1881 года: казнь императора Александра II / Сост. В.Е. Кельнер. Л.: Лениздат, 1991. С. 10.

⁸ Троцкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом.

существующих форм государственной и общественной жизни и переделки их сообразно народным желаниям. Народовольцы указывали, что легализация верховной власти народным представительством может быть достигнута лишь тогда, когда выборы будут произведены совершенно свободно, в обстановке, когда депутаты посылаются от всех классов и сословий пропорционально числу жителей и не будет никаких ограничений ни для избирателей, ни для депутатов. Избирательная агитация и сами выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно в виде временной меры впредь до решения Народного собрания допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходов, г) полную свободу избирательных программ. Народовольцы указывали, что при соблюдении этих условий безусловно подчинятся решению Народного собрания и не позволят себе впредь никакого насильственного противодействия правительству, санкционированному Народным собранием. Как известно, на это послание народовольцев Александр III ответил манифестом «О незыблемости самодержавия».

При сопоставлении указанных народовольцами целей их деятельности с фактическими обстоятельствами дела, а также с текстом обвинения, предъявленного подсудимым исполняющим обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената товарищем прокурора Санкт-Петербургской судебной палаты Николаем Валерьяновичем Муравьевым⁹, может возникнуть вопрос, а насколько правильно были осуждены подсудимые? Конечно, Уложение о наказаниях уголовных и исправительных в редакции, действовавшей на момент совершения преступления, не содержало такого состава преступления, как терроризм. Правовая мысль и власти еще не осознали всей опасности данного явления и необходимости его законодательного запрещения. Как вид преступления, за которое предусмотрена уголовная ответственность, терроризм появился только в современной России в 1994 году, когда Уголовный кодекс был дополнен статьей 213-й, прим. 3 «Терроризм». Однако такие признаки, квалифицирующие деяние (в настоящее время) как терроризм или совершение террористического акта, безусловно, присутствовали в совершенном преступлении. К таким признакам можно отнести систему насильственных действий, представляющих угрозу общественной безопасности, планирование и осуществление которых отражает интересы определенной группы людей, а не всего общества.

Конечно же, и с точки зрения права, и с иных точек зрения, сегодняшняя проблема терроризма и терроризм XIX века – это не одно и то же. В отличие от своих предшественников, современные террористы выбирают все более ужасающие методы и способы террористической деятельности. Однако как социально-политико-правовое явление терроризм всегда был и будет одинаков, поскольку причины, его вызывающие, практически не меняются. В этой связи полагаю, что стоит полностью согласиться с В.В. Лунеевым, который указал, что главными детерминантами терроризма были и остаются социально-экономические причины, выраженные в социальной несправедливости, на которую потом наслаиваются многие другие обстоятельства¹⁰.

Проблема разграничения терроризма как преступления от освободительной борьбы или, можно даже сказать, от права народа на восстание (упоминаемое во Всеобщей декларации прав человека), которая обнаруживается в исследуемом деле, не имеет однозначных критериев и простых ответов. В разные моменты времени подобные ситуации можно оценить также по-разному. И именно об этом свидетельствует история, в том числе и история подсудимых. Осужденные и казненные в 1881 году как государственные преступники, эти люди по прошествии нескольких десятков лет превратились в народных героев, и их име-

⁹ Стоит отметить, что обвинитель Муравьев и подсудимая Перовская были знакомы: отец Муравьева в 1856–1859 годах служил губернатором, а отец Перовской – вице-губернатором в Пскове, и однажды в детстве Перовская якобы спасла жизнь Муравьеву. См.: *Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом. С. 161.

¹⁰ *Лунеев В.В.* Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: Волтере Клувер, 2005.

нами стали называть улицы в Ленинграде и других городах страны. В 1975 году в Ленинграде заново отстроенный мост возле храма Воскресения Христова (Спас на Крови – храм, построенный на месте, где Александр II был смертельно ранен) был назван именем непосредственного цареубийцы – Игнатия Гриневицкого. Прошло еще несколько десятков лет, и улицам и мостам вернули прежние исторические названия.

История также показала, что цели, которую ставили перед собой народовольцы – свержение самодержавия и смена политического строя, им не удалось достичь. За убийством царя не последовало каких-либо восстаний рабочих и крестьян, на которые рассчитывали народовольцы. Власти же не только не сменили курс, но, как мы уже указывали, приняли меры для охраны и укрепления самодержавия, а проект конституции Лорис-Меликова был отклонен. Сотрудничество с властями некоторых задержанных народовольцев позволило задержать и предать суду многих активистов «Народной воли». В этой связи стоит отметить, что процесс 1 марта 1881 года не был единственным судебным процессом, по которому были осуждены участники «Народной воли», причастные к покушениям и убийству Александра II. Так, четвертый из метальщиков, Иван Пантелеймонович Емельянов, сын псаломщика, рабочий, был осужден в 1882 году по так называемому «процессу двадцати» и приговорен к смертной казни, замененной впоследствии по решению Александра III вечной каторгой. В своих показаниях Емельянов указывал, что, увидев после взрыва лежащего царя, он, имея под левой мышкой завернутый в газетную бумагу снаряд, «инстинктивно» бросился к императору, чтобы дать ему помощь¹¹. Также по «процессу двадцати», рассмотренному 9—15 февраля 1882 года Особым присутствием Правительствующего сената, 20 народовольцев обвинялись в том числе в покушениях на Александра II (покушения 2 апреля и 18, 19 ноября 1879 года, 5 февраля 1880 года, подготовка к одесским покушениям 1879 и 1880 годов, покушение под Каменным мостом в Петербурге, убийство 1 марта 1881 года). Помимо метальщика Емельянова, это были лица, следившие за царем в ходе подготовки покушения 1 марта, и лица, работавшие в подкопе на Малой Садовой. Первоначально 10 обвиняемых были приговорены к смерти, девять – к различным срокам каторги, один человек был помилован. В последующем девяти преступникам смертная казнь была заменена вечной каторгой. Казнен был только один человек, как офицер, изменивший присяге.

25—30 октября 1880 года, еще до «процесса 1 марта» Петербургский военно-окружной суд рассмотрел «процесс шестнадцати», по которому часть подсудимых обвинялись в том числе в покушениях на императора (покушения 2 апреля и 19 ноября 1879 года и 5 февраля 1880 года). Суд приговорил к смертной казни двух человек, четырех – к вечной каторге, остальных – к срочной каторге или ссылке в Сибирь.

В 1883 году Особое присутствие Правительствующего сената рассмотрело «процесс семнадцати», по которому обвинялись в том числе в покушениях на императора 19 ноября 1879 года и в убийстве 1 марта 1881 года. Семерых подсудимых суд приговорил к вечной каторге, остальных – к срочной каторге или ссылке в Сибирь.

Всего в период с 1880 по 1894 год состоялось более 80 судебных процессов над членами «Народной воли», в результате которых партия практически прекратила свое существование¹².

Возвращаясь к вопросу о правильности предъявленных подсудимым обвинений в совершении преступлений, предусмотренных главами «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома» и «О бунте против власти верховной и о государственной измене» Уложения о наказаниях, полагаю, что подобный вопрос имеет право на существование только в отношении подсудимых Т. Михайлова и Г. Гельф-

¹¹ Былое. 1906. № 1. С. 91.

¹² Троицкий Н.А. «Народная воля» перед царским судом.

ман, для чего предлагаю читателю самостоятельно оценить имеющиеся в материалах дела доказательства виновности указанных лиц.

Также обратим внимание на фактические обстоятельства гибели Александра II, которые показывают, что гибель царя не обошлась без вины его охраны и при попустительстве иных чиновников. Что касается охраны, то вместо того, чтобы с целью обеспечения безопасности максимально быстро вывезти Александра с места покушения после первого взрыва, охрана позволила ему выйти из кареты и осмотреть место происшествия, что и явилось трагической ошибкой. Также из материалов дела следует, что за два дня до цареубийства чиновники полиции заподозрили арендаторов дома по Малой Садовой в некой противоправной деятельности. С этой целью лавку Кобозевых было решено досмотреть с участием в том числе инженер-генерала Мровинского. Однако, осмотрев подвал, из которого преступники готовили подкоп, Мровинский не обнаружил каких-либо признаков подготовки злодеяния, за что и был впоследствии судим.

Что касается подсудимых по делу о цареубийстве, то по процессуальным нормам того времени перед вынесением приговора суд должен был прежде поставить вопросы в отношении каждого подсудимого о том, совершилось ли событие преступления, было ли оно деянием подсудимого и должно ли оно быть вменено ему в вину, соединенные в один совокупный вопрос о виновности подсудимого. После ответов составом суда на поставленные вопросы и в зависимости от ответов суд постановлял приговор, который подлежал оглашению с указанием порядка его обжалования.

Практически на все вопросы о виновности подсудимых Особое присутствие Правительствующего сената ответило положительно, после чего все подсудимые были приговорены к лишению прав состояния и смертной казни через повешение. Как мы уже указывали, в отношении Гельфман приведение приговора в исполнение было отложено. Суд дал подсудимым суточный срок для обжалования приговора, однако никто из осужденных таким правом не воспользовался. Вместо этого Рысаков и Михайлов подали прошения о помиловании, в удовлетворении которых им было отказано, несмотря на несовершеннолетний возраст Рысакова. Гельфман свое прошение о помиловании подала несколькими месяцами позднее.

Третьего апреля 1881 года на Семеновском плацу в Санкт-Петербурге приговор был приведен в исполнение. Материалы дела, публикуемые нами по книге «Дело о совершенномъ 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр II. Приложение к “Литературному журналу”» (СПб.: Типография А.С. Суворина, 1881), приводят процедуру подготовки и приведения приговора в исполнение – согласно им, казнь прошла в обычном режиме. Данные материалы были составлены на основании отчетов о процессе, публиковавшихся в «Правительственном вестнике», и, вероятно, являются не полными, а подвергнутыми, возможно, цензуре или сокращению. Так, по свидетельствам очевидцев казни, приговор Т. Михайлову был приведен в исполнение только с третьего раза, так как дважды при повешении обрывалась веревка.

Приведенный в исполнение приговор окончил для пяти народовольцев вместе с жизнью и их террористическую деятельность, так же как и совершенное ими цареубийство окончило период реформ. С этого времени в России начался период реакции, в том числе во внутренней политике. В истории часто обнаруживаются интересные параллели. В 1864 году был убит президент США А. Линкольн, предпринявший попытку изменить американское общество и освободивший свою страну от рабства. Практически в это же время на другом континенте русский царь Александр II изменил русское общество, но также умер от руки людей, желавших еще больших перемен. Его внук, последний русский царь Николай II, который присутствовал у постели деда в часы его смерти и своими глазами видел, как русский народ может поступить со своим государем, также предпринимал попытки перемен в обществе. Однако часть общества захотела больше. Результаты для России нам известны,

а Николай II практически повторил судьбу Александра II, но об этом будет уже следующая книга адвокатской фирмы «Юстина» в серии «Русские судебные процессы».

Устройство человеческого общества несовершенно. По этой причине оно не способно во всем устраивать всех своих членов. В любом обществе всегда находились и будут находиться люди, считающие существующий государственный или общественно-политический строй не подходящим этому обществу, а также люди, которых можно назвать злоумышленниками, являющиеся источником нарушения общественного покоя и стабильности. К сожалению, эти люди, фанатично отстаивающие свои идеи о должном (по их мнению) устройстве общества, пользовались и, вероятно, будут пользоваться такими механизмами противостояния слабых против сильных (власти), как террор и терроризм. Но терроризм теперь уже навсегда останется исключительно преступным явлением, осуждаемым в обществе. К тому же здравомыслящему большинству очевидно, что подобными способами невозможно реализовать извечные мечты человечества о достижении на земле справедливости, равенства и всеобщего счастья. Прежде чем пытаться изменить что-либо в обществе, люди должны начать изменения с себя.

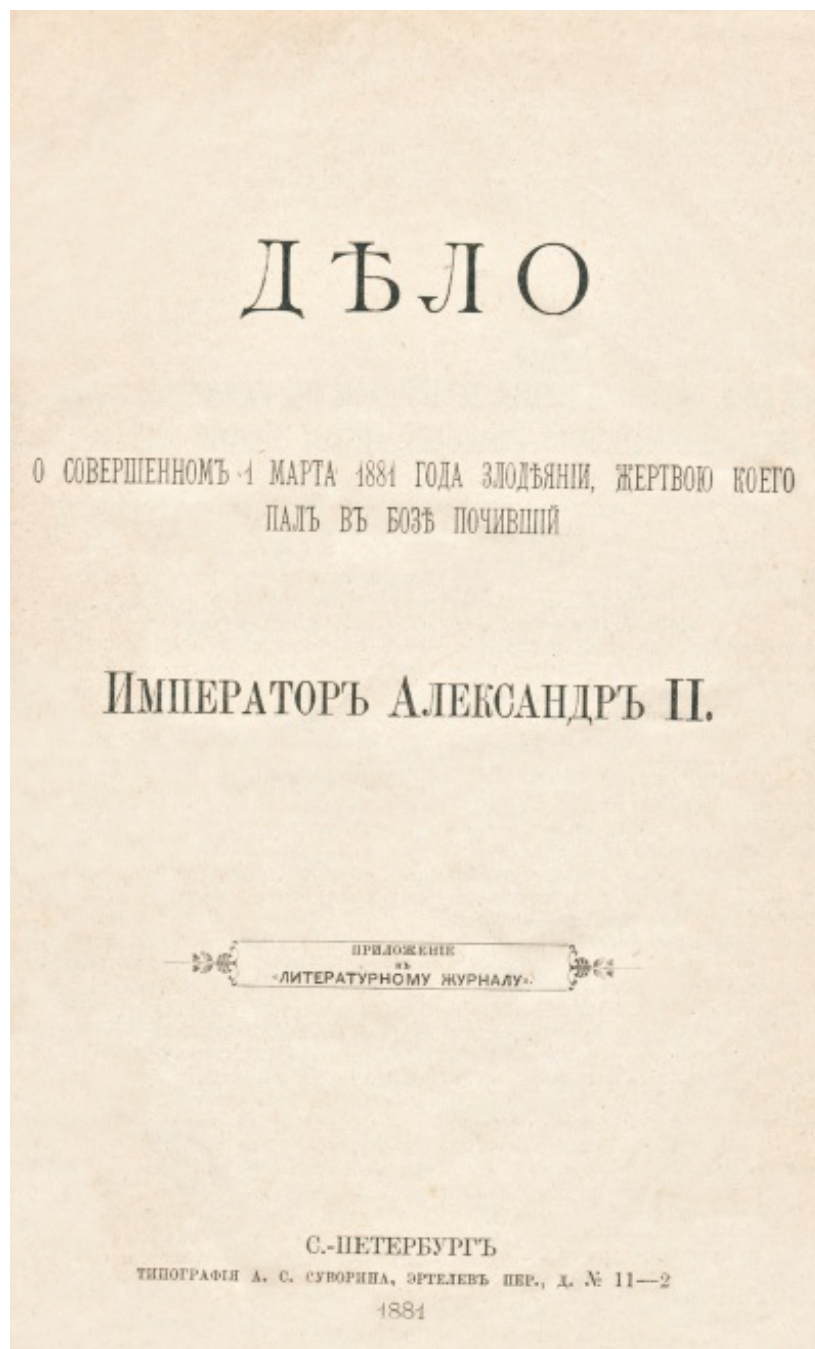
О.А. Шаманский Адвокатская фирма «Юстина»

Адольф Парланд
Храм Воскресения Христова (Спас на Крови) на месте покушения на Александра II в Санкт-Петербурге

Библиография

- 100 человек, которые изменили ход истории. Александр II. Еженедельное издание. Вып. № 70. – М., 2009.
- 1 марта 1881 года: Казнь императора Александра II / Сост. В.Е. Кельнер. – Л., 1991.
- Брюханов В.* Трагедия России. Цареубийство 1 марта 1881 года. – М., 2007.
- Былое. Журнал, посвященный истории освободительного движения. – 1906. – № 1, 5, 6.
- Дело о совершенномъ 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший император Александр II. Приложение к «Литературному журналу». – СПб., 1881.
- Злобин А.В., Картмазов В.Н.* Проблемы терроризма и способы борьбы с ними. – М., 2011.
- Итенберг Б. С., Твардовская В.А.* Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. – М., 2004.
- Кони А.Ф.* Отцы и дети судебной реформы. 1864–1914. – М., 1914.
- Кункль АА.* Покушение Соловьева. – М., 1929.
- Лунеев В.В.* Преступность XX века: Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 2005.
- Ляшенко Л.* Александр II, или История трех одиночеств. – М., 2010.
- Монахов Д.* Бомба для царя. Охота на Александра II. – М., 2009.
- Никонов В.* Крушение России. 1917 год. – М., 2011.
- Палеолог М.* Александр II и Екатерина Юрьевская. – М.; Пг., 1924.
- Покушение, или Убийство по политическим мотивам / Сост. и авт. вступ. ст. В.Т. Вольский. – Минск, 1993.
- Последние слова казненных. – СПб.: Современник; Типолитография С.М. Муллер, 1906.
- Правда о кончине Александра II. Из записок очевидца. Изд. 2-е. – Л., 1990.
- Соснин В.А.* Психология современного терроризма. – М., 2014.
- Спас на Крови. Храм Воскресения Христова. – СПб., 2012.
- Татищев С. С.* Император Александр II. Его жизнь и царствование. – М., 2009.
- Ткаченко В.В., Ткаченко С.В.* Российский терроризм: Проблемы уголовной ответственности. – М., 2014.
- Троицкий Н.А.* «Народная воля» перед царским судом (1880–1894). – Саратов, 1983.
- Царь-освободитель. К 150-летию восшествия на престол Александра II. – М., 2005.
- Чулков Г.* Императоры России. Психологические портреты. – М., 2003.
- Шилов АА.* Каракозов и покушение 4 апреля 1866 года. – Пг., 1919.
- Щербаков А.* Терроризм. Война без правил. – М., 2013.

Титульный лист книги

«Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвою коего пал в Бозе почивший Император Александр II» Типография А.С. Суворина. Санкт-Петербург, 1881

Дело о совершенном 1 марта 1881 года злодеянии, жертвой коего пал в Бозе почивший государь император Александр Николаевич

**Заседание Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о
государственных преступлениях**

Состав присутствия: первоприсутствующий сенатор Э.Я. Фукс; присутствовали сенаторы: Н.Н. Биппен, Н.С. Писарев, И.Н. Орлов, А. И. Синицын и А.В. Белостоцкий; сословные представители: предводители дворянства: с. – петербургский губернский – граф А.А. Бобринский и петербургский уездный – барон М.Н. Корф, московский городской голова Третьяков и волостной старшина Московской волости, С.-Петербургской губернии и уезда А. Гелькер, при обер-секретаре В.В. Попове. Обвинял исполняющий обязанности прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената товарищ прокурора С.-Петербургской судебной палаты Н.В. Муравьев.

Защитники подсудимых присяжные поверенные: Унковский – Рысакова, Хартулари – крестьянина Тимофея Михайлова, Герке 1-й – мещанки Геси Гельфман, Герард – сына священника Николая Кибальчича и Кедрин – дворянки Софьи Перовской.

Подсудимый крестьянин Андрей Иванов Желябов защитника иметь не пожелал.

Заседание 26 марта 1881 года

Заседание открыто в 11 часов дня объявлением первоприсутствующего о подлежащем рассмотрению Особого присутствия дела о подсудимых Рысакове, Михайлове, Гельфман, Перовской, Кибальчиче и Желябове, обвиняемых в государственных преступлениях.

Затем были введены подсудимые, которые заняли на скамье подсудимых места в следующем порядке: 1) Рысаков, 2) Михайлов, 3) Гельфман, 4) Кибальчич, 5) Перовская и 6) Желябов.

По распоряжению первоприсутствующего, обер-секретарь прочел предложения г. министра юстиции Особому присутствию, из коих видно, что по высочайшему его императорского величества повелению, испрошенному на основании 2-го пункта 1031 ст[атьи] Уст[ава] уг[оловного] судопроизводства (по прод. 1879 года), настоящее дело отнесено к ведению Особого присутствия Правительствующего сената.

Первоприсутствующий: Во исполнение сего Высочайшего повеления Особое присутствие Правительствующего сената приступает к рассмотрению означенного дела. Подсудимый Рысаков, объявите ваше звание, имя, отчество и фамилию.

Подсудимый Рысаков: Мещанин города Тихвина, Николай Иванов Рысаков.

– Сколько вам лет?

– 19.

– Какого вероисповедания?

– Православного.

– Где проживали в последнее время?

– В Петербурге, на Песках и на Петербургской стороне.

– Получили копии с обвинительного акта?

– Получил.

На те же вопросы, обращенные к остальным подсудимым, они отвечали:

Михайлов: Крестьянин Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, деревни Гаврилково, Тимофей Михайлов, 21 года; православный; занимался котельными работами; жил на Песках. Копии с обвинительного акта получил.

Гельфман: Мещанка Гесья Мирова Гельфман; проживала в Тележной улице; занималась революционными делами; 26 лет. Копии с обвинительного акта получила.

Кибальчич: Сын священника Николай Кибальчич; православный; жил по Лиговке, № 83; занимался отчасти литературой; 27 лет. Копии с обвинительного акта получил.

Перовская: Дворянка Софья Перовская, 27 лет; жила по 1-й Роте Измайловского полка; занималась революционными делами.

Желябов: Я получил документ...

Первоприсутствующий: Прежде объясните суду ваше звание, имя и фамилию.

Желябов: Крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, села Николаевка, Андрей Иванов Желябов. Я получил документ, относящийся к этому делу. По некоторым признакам я сомневаюсь, чтобы он исходил от того учреждения, которое в нем значится, и прошу удостоверить подлинность этого документа. Документ за номером неизвестным; получен мной без 20 минут в 11 часов сегодня. Он озаглавлен «Объявление от исполняющего обязанность прокурора при Особом присутствии Правительствующего сената»; подписан: «Плеве». Сравнивая его с постановлением Особого присутствия Правительствующего сената в распорядительном заседании 22 марта, я нахожу большую разницу. Не говоря о том, что первый документ не имеет номера, в нем не сказано, из кого состояло Особое присутствие Сената, и постановление его подписано ли кем-нибудь или нет. Между тем этот документ отвечает на заявление, имеющее по делу крайне серьезное значение, по крайней мере, по моему мнению. Я 25-го числа подал в Особое присутствие из крепости заявление о неподсудности моего дела Особому присутствию Сената как суду коронному, так как признаю правительство одной из заинтересованных сторон в этом деле и полагаю, что судьей между нами, партией революционеров, и правительством может быть только один – все-народный суд, или через непосредственное голосование народа, или в лице его законных представителей, избранных правильно в Учредительное собрание. Полагая, что настоящая форма суда лично к нам неприменима, я заявлял о том, что по справедливости и по духу даже наших русских законов наше дело подлежит рассмотрению суда присяжных заседателей, как представляющих собой общественную совесть, и просил на это заявление ответа. Я получил это объявление и прошу удостоверить, действительно ли это есть постановление Особого присутствия Правительствующего сената в распорядительном его заседании.

Первоприсутствующий: Я сейчас разрешу ваше сомнение. Г-н обер-секретарь, прочтите определение Особого присутствия, состоявшееся в распорядительном заседании сегодня.

Обер-секретарь прочел следующее: 1881 года, марта 26-го дня, в распорядительном заседании Особого присутствия, по указу его императорского величества, правительствующий сенат слушали: заявление Желябова о неподсудности его дела Особому присутствию и о передаче дела на рассмотрение суда присяжных заседателей. Заявление это он основывает на том, что действия, за которые он предан суду, направлены против правительства; что правительство есть заинтересованная сторона; что Особое присутствие, состоящее из правительственных чиновников, не может рассматривать это дело и оно должно подлежать рассмотрению присяжных заседателей как представителей общественной совести. Выслушав это заявление и заключение исполняющего обязанности прокурора, Особое присутствие находит, что отвод о неподсудности дела, за силой 2 п. 1031 ст[атьи] Уст[ава] уголовного] судопроизводства], 2-й части XV т[ома] Свод[а] зак[онов] по продолжению 1879 года, и 600 ст[а-

ть] того же Устава, лишен всякого основания и не подлежит удовлетворению, а потому определяет: заявление Желябова оставить без последствий, о чем ему и объявить.

Желябов: Я этим объяснением удовлетворен.

Первоприсутствующий: Определение это подписано всеми членами присутствия.

Желябов: Я удовлетворен.

Первоприсутствующий: Теперь я приглашаю вас ответить на мои вопросы. Сколько вам лет?

Желябов: 30 лет.

– Веры православной?

– Крещен в православие, но православие отрицаю, хотя сущность учения Иисуса Христа признаю. Эта сущность учения среди моих нравственных побуждений занимает почетное место. Я верую в истину и справедливость этого вероучения и торжественно признаю, что вера без дел мертва есть и что всякий истинный христианин должен бороться за правду, за права угнетенных и слабых и если нужно, то за них и пострадать; такова моя вера.

– Где вы проживали в последнее время и чем занимались?

– В последнее время я жил в 1-й Роте Измайловского полка, и вообще жил там, где требовало дело, указанное мне Исполнительным комитетом. Служил я делу освобождения народа. Это мое единственное занятие, которому я много лет служу всем моим существом.

– Получили копии с обвинительного акта?

– Получил копии с трех обвинительных актов, в том числе одну с дополнительного обвинительного акта.

Первоприсутствующий: Вторую копию вы получили взамен первой. Г-н судебный пристав, все ли лица вызванные явились?

Судебный пристав: Имею честь доложить, что не явилось четверо: полковник Дворжицкий, ротмистр Кулебякин, городской Денисов и сын купца Гольденберг.

Обер-секретарь доложил Особому присутствию причины неявки означенных свидетелей, а именно: первые трое, по медицинским удостоверениям, не могли явиться вследствие болезни от ран и повреждений, а Гольденберг – за смертью.

Первоприсутствующий: Прошу заключения г-на прокурора.

Исполнитель] об[ер-] прокурора Муравьев: Принимая во внимание, что свидетели Дворжицкий, Кулебякин и Денисов не явились в суд вследствие законно удостоверенного болезненного состояния и руководствуясь 4-м пунк[том] 388-й ст[атьи] Уст[ава] уголовного судопроизводства, я полагал бы неявку их признать законною. Затем, признавая эти показания имеющими в деле существенное значение и на основании 626-й ст[атьи] Уст[ава] уголовного судопроизводства подлежащими прочтению по ходатайству сторон, я отсутствие их не считаю препятствием к слушанию дела. Вместе с тем я имею сделать заявление, касающееся умершего Гольденберга. Обвинительная власть указала свидетеля Гольденберга в списке, приложенном к обвинительному акту, и тем самым заявила о своем предположении воспользоваться на суде показанием этого свидетеля посредством его прочтения, на основании 626-й ст[атьи] Уст[ава] уголовного судопроизводства, разъясненной решениями Правительствующего сената. Руководствуясь этими решениями, именно 1869 г[ода] № 137, того же года № 831, затем 1874 г[ода] № 456, я в настоящее время имею честь заявить, что показание Гольденберга, имеющее значение свидетельского показания по отношению к другим подсудимым, должно быть прочитано на судебном следствии, и под условием этого прочтения обвинительная власть считает возможным продолжать судебное следствие.

Первоприсутствующий: Что может заявить защита по вопросу о продолжении заседания?

Прис[яжный] пов[еренный] Унковский: Я со своей стороны полагаю, что неявка четырех свидетелей не может служить препятствием к продолжению дела, и также не вижу никакой причины к неудовлетворению ходатайства г-на прокурора.

Прис[яжный] пов[еренный] Хартулари: Я присоединяюсь.

Прис[яжный] пов[еренный] Герке 1-й: Я тоже.

Прис[яжный] пов[еренный] Герард: Я не вижу препятствия к слушанию дела, но что касается показания умершего Гольденберга, то в свое время, когда явится момент для прочтения его показания, я прошу предоставить мне слово о возможности или невозможности чтения этого показания.

Первоприсутствующий: Не признаете ли вы возможным сделать это заявление теперь же?

Герард: Я полагаю, что чтение показания Гольденберга с формальной стороны не может быть допущено в настоящем заседании. Я это основываю на следующем соображении. Правительствующий сенат в своих решениях многократно разъяснял, как совершенно справедливо заметил г-н прокурор, что показания умерших обвиняемых могут читаться как показания свидетелей, но Гольд енберг никогда не был обвиняемым с настоящими подсудимыми. Он судился по совершенно другому делу, и в преступлении 1 марта Гольденберг не обвиняется; он не был привлекаем ни в качестве свидетеля, ни в качестве обвиняемого. Поэтому чтение его показания с формальной стороны не может быть допущено и не может оправдываться ни законом, ни решениями кассационного сената.

Прис[яжный] пов[еренный] Кедрин: Я присоединяюсь к только что высказанному заявлению.

Прокурор: В объяснениях г-на защитника подсудимого Кибальчича, очевидно, есть недоразумение. Действительно, Гольденберг не был предан суду и за смертью не мог привлекаться к делу о преступлении 1 марта; но подсудимый Желябов, один из настоящих подсудимых, подлежал привлечению к суду и не был привлечен только за неразысканием по тому же делу, по которому был привлечен в качестве обвиняемого при своей жизни Гольденберг. Поэтому Гольденберг и Желябов являются обвиняемыми по одному и тому же делу. В числе обвинений, падающих на Желябова, есть обвинение в приготовлении взрыва на Лозово-Севастопольской железной дороге, под городом Александровском, падающее также и на Гольденберга. Ввиду изложенных фактов обвинение продолжает настаивать на прочтении показания Гольденберга.

Герард: В таком случае Особое присутствие может из показания Гольденберга ограничиться прочтением только тех частей, которые касаются виновности Желябова и Гольденберга относительно взрыва под Александровском.

Первоприсутствующий: Г-н прокурор, вы просите прочесть все показание Гольденберга или только выдержки, относящиеся до Желябова?

Прокурор: На основании решения Сената по делу Багрянцова, на представителя стороны, требующей прочтения показаний такого свидетеля, как Гольденберг, возложена обязанность точно указать в свое время чтения, каких именно частей он желает: эту обязанность и исполнит обвинительная власть. Она имеет в виду воспользоваться не всем показанием Гольденберга, а лишь известными частями, касающимися Желябова, Перовской и Кибальчича.

Желябов: Я имею сделать заявление. Мое заявление касается вызова или, правильнее сказать, ссылки г-на прокурора на показание Гольденберга. Я в русских законах не силен и потому становлюсь под защиту суда в отношении толкования закона. На мою просьбу вызвать свидетелями Кошурникова и Колоткевича Особое присутствие отвечало (читает): «Особое присутствие Правительствующего сената, останавливаясь на ходатайстве Желябова о вызове в качестве свидетелей Кошурникова и Колоткевича, находит, что по общему

смыслу законов, относящихся до свидетелей, к числу их не могут быть отнесены такие лица, которые совместно преследуются за одно и то же деяние; что цель допроса свидетелей состоит в успешном разъяснении обстоятельств дела в интересах истины; а так как от лиц, привлекаемых к ответственности вместе с подсудимыми за одно и то же преступление, нельзя ожидать беспристрастных, согласных с истиной показаний, и закон разрешает свидетелям не отвечать» и т. д., то Кошурникова и Колоткевича не вызывать. Обвиняемый Гольденберг находится в том же положении, как Кошурников и Колоткевич, то есть состоит обвиняемым по одному со мной делу. Спрашивается: дух русского закона, распространяющийся на Кошурникова и Колоткевича, не должен ли распространяться и на Гольденберга, смерть которого, то есть причина его неявки, не удостоверена пока, и я прошу удостоверить: действительно ли Гольденберг умер и какие есть на это данные. Причины неявки Дворжицкого и других свидетелей удостоверены медицинскими свидетельствами, и я желал бы знать, какие имеются доказательства, что Гольденберг действительно умер?

Особое присутствие удалилось для совещания.

По возобновлении заседания первоприсутствующий объявил следующее: Особое присутствие, по выслушании доклада обер-секретаря, заключения прокурора и заявлений защиты и подсудимого Желябова, постановило следующее определение: признавая причину неявки свидетелей Дворжицкого, Кулебякина и Денисова законною, ответственности их не подвергать; судебное заседание, несмотря на неявку свидетелей, – продолжать, и показания их, согласно 626-й ст[атье] Уст[ава] уголовного] судопроизводства, прочесть в свое время. Что касается до заявления подсудимого Желябова и защитников других подсудимых относительно непрочтения показания Гольденберга, о смерти коего имеется удостоверение в приложенном к делу производстве о 16 лицах, осужденных за государственные преступления, то ввиду имеющихся по сему предмету кассационных решений Особое присутствие признает, что Гольденберг, один из обвиняемых по упомянутому выше преступлению, оговоривший при жизни своих соучастников и не допрашиваемый по содержанию сего оговора за смертью, находится в ином положении, нежели лица, указанные Желябовым, так как последние являются сообвиняемыми с ним по делу, еще в отношении их не оконченному, посему и постановляет показание Гольденберга в частях, относящихся до подсудимых по настоящему делу, прочесть.

Константин Маковский Александр II на смертном одре. 1881 Холст, масло. 61 x 85,5 см
Государственная Третьяковская галерея, Москва

Затем по распоряжению первоприсутствующего обер-секретарь прочел обвинительный акт следующего содержания:

Обвинительный акт,

которым предаются суду Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях: тихвинский мещанин Николай Иванов Рысков, 19 лет; крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, Петровской волости, дер[евни] Николаевки Андрей Иванов Желябов, 30 лет; дворянка София Львова Перовская, 27 лет; крестьянин Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, дер[евни] Гаврилково Тимофей Михайлов, 21 года; и мозырская, Минской губернии, мещанка Геся Мирова Гельфман, 26 лет, обвиняемые в государственных преступлениях.

I

1 марта 1881 года, в воскресенье, в третьем часу пополудни, в С.-Петербурге, на набережной Екатерининского канала, против сада Михайловского дворца, совершилось величайшее злодеяние, жертвой которого пал его императорское величество государь император Александр Николаевич. Неслыханное по гнусности своей и бедственным последствиям преступление это и сопровождавшее его причинение смерти и поранений многим лицам совершены были посредством двух производивших взрывы метательных снарядов.

Обстоятельства злодеяния, исследованного дознанием в порядке, установленном в I главе 2 раздела] 3 книги Уст[ава] уголовного] судопроизводства 2 ч[асть] XV т[ом] Св[ода] зак[онов], изд[ания] 1876, по продолжению] 1879 года, а в некоторых частях и предварительным следствием, были выяснены как осмотрами места и вещественных доказательств преступления, так и показаниями нижепоименованных свидетелей-очевидцев: полицеймейстера 1-го отделения полковника Дворжицкого, Отдельного корпуса жандармов капитана Коха, ротмистра Терского казачьего эскадрона Собственного Его Императорского Величества Конвоя Кулебякина, конвойных казаков: унтер-офицера Кузьмы Мачнева и рядовых Михея Луценко и Петра Козьменко, адъютанта с. – петербургской крепостной артиллерии штабс-капитана Кюстера, офицеров кадрового батальона лейб-гвардии резервного Пехотного полка штабс-капитанов: Новикова и Франка и подпоручика Рудыковского, лейб-гвардии Кавалергардского полка поручика графа Гендрикова, 139-го Моршанского пехотного полка подпоручика Митрофана Крахоткина, камер-пажа Косинского, младшего медицинского фельдшера лейб-гвардии Павловского полка Василия Горохова, рядовых лейб-гвардии Преображенского полка Ивана Евченко и Платона Макарова, городского 3-го участка Александро-Невской части Василия Несговорова, отставного рядового Петра Павлова и крестьянина Новгородской губернии, Старорусского уезда, дер[евни] Пяти-Горки Михаила Назарова.

На основании совокупности приведенных данных горестное событие преступления представляется в нижеследующем общем виде:

В третьем часу дня ныне в Бозе почивший государь император выехал в карете в сопровождении обычного конвоя из Михайловского дворца по Инженерной улице, по выезде из которой карета повернула направо, по набережной Екатерининского канала, направляясь к Театральному мосту. Позади быстро следовавшей кареты государя императора, на расстоянии не более двух сажен от нее, ехал в санях полицеймейстер полковник Дворжицкий, а за ним капитан Кох и ротмистр Кулебякин. На расстоянии сажен 50 от угла Инженерной

улицы, в двух с четвертью часа пополудни, под каретой раздался страшный взрыв, распространившийся как бы веером. Выскочив из саней и в то же мгновение заметив, что на панели, со стороны канала, солдаты схватили какого-то человека, полковник Дворжицкий бросился к императорской карете, отворил дверцы и, встретив выходящего из кареты невредимым государя императора, доложил его величеству, что преступник задержан. По приказанию государя свидетель проводил его по тротуару канала к тому месту, где находился уже окруженный толпой народа задержанный человек, оказавшийся впоследствии тихвинским мещанином Николаем Ивановым Рысаковым. Стоявший на тротуаре подпоручик Рудыковский, не узнав сразу его величество, спросил: «Что с государем?» – на что государь император, оглянувшись и не доходя шагов десяти до Рысакова, изволил сказать: «Слава Богу, я уцелел, но вот...», указывая при этом на лежавшего около кареты раненого казака и тут же кричавшего от боли раненого мальчика.

Злодейское покушение на жизнь Его Императорского Величества государя императора Александра Николаевича. Литография по рисунку Перфирьева

Услышав слова государя, Рысаков сказал: «Еще слава ли Богу?» Между тем, опередив на несколько шагов государя, полковник Дворжицкий принял от лиц, задержавших Рысакова, вынутые из платья его револьвер и небольшой кинжал. Приблизившись к задержанному и спросив, он ли стрелял, его императорское величество, после утвердительного ответа присутствующих, спросил Рысакова, кто он такой, на что тот назвал себя мещанином Глазовым. Затем, как только государь, желая посмотреть место взрыва, сделал несколько шагов по панели канала по направлению к экипажу, сзади, у самых ног его, раздался новый оглушительный взрыв, причем поднятая им масса дыма, снега и клочьев платья закрыла на несколько мгновений все пространство. Когда же она рассеялась, пораженным взорам присутствующих, как пострадавших, так и уцелевших, представилось ужасающее зрелище: в числе лиц, поверженных и раненных взрывом, находился и государь император. Прислонившись спиной к решетке канала, упершись руками в панель, без шинели и без фуражки, полусидел на ней возлюбленный монарх, окровавленный и трудно дышавший. Обнажившиеся ноги венценосного страдальца были раздроблены, кровь сильно струилась с них, тело висело кусками, лицо было в крови.

Покушение на Александра II 1 марта 1881 года На гравюре изображен момент броска Гриневицким второй бомбы

Тут же лежала шинель государя, от которой остались лишь окровавленные и обожженные клочья. Раненный рядом с государем императором полковник Дворжицкий, приподнявшись с земли, услышал едва внятно произнесенные слова государя «Помоги» и, вскочив, подбежал к нему вместе со многими другими лицами. Кто-то подал платок. Государь, приложив его к лицу, очень слабым голосом произнес: «Холодно, холодно». Тогда, приподняв государя, уже начавшего терять сознание, окружавшие его лица, в числе которых были юнкера Павловского военного училища и чины проходившего мимо караула от 8-го флотского экипажа, при подоспевшем великом князе Михаиле Николаевиче, понесли его к саням полковника Дворжицкого, причем поручик граф Гендриков покрыл своею фуражкой обнаженную голову страдальца. Наклонившись к своему августейшему брату, великий князь спросил, слышит ли его величество, на что государь император тихо отвечал: «Слышу»; на дальнейший вопрос его высочества о том, как государь себя чувствует, государь император изволил сказать: «Скорее... во дворец», а затем, как бы в ответ на услышанное им предложение штабс-капитана Франка внести его в ближайший дом для подания первоначальной помощи, его императорское величество произнес: «Несите меня во дворец... там... умереть...» То были последние слышанные свидетелями слова умирающего монарха. Императорская карета оказалась сильно поврежденной взрывом, почему его величество поместили в сани полковника Дворжицкого, куда сел ротмистр Кулебякин и с помощью конвойных казаков Коземенко и Луценко повез государя императора в Зимний дворец.

Помощь раненым на месте покушения Ксилография по рисунку А. Бальдингера

Неисповедимые веления Промысла совершились. Объявлениями от министра внутренних дел, опубликованными того же 1 марта, возвещено, что при вышеописанном втором взрыве его императорское величество государь император был тяжело ранен, с раздроблением обеих ног ниже колен, и в тот же день, в 3 часа 35 минут пополудни, в Бозе почил.

По сведениям, собранным при дознании, оказывается, что из свиты государя императора при взрывах было более или менее опасно ранено девять человек, из которых один уже скончался, а из числа чинов полиции и посторонних лиц, находившихся на месте преступления, ранено 11, из которых двое (в том числе 14-летний крестьянский мальчик Николай Максимов) умерли через несколько часов.

По соображении данных, обнаруженных осмотром местности преступления и оказавшихся на ней предметов, опрошенные в качестве экспертов: командир гальванической учебной роты полковник Лисовский, командир 1-го военно-телеграфного парка подполковник Шах-Назаров и капитан 4-го саперного батальона Родивановский пришли к заключению, что по внешнему виду и свойствам вышеозначенных предметов, взрывы были произведены двумя брошенными снарядами, заключенными в жестяные оболочки, причем заряд каждого состоял приблизительно из пяти фунтов ударного состава и взрывчатого вещества, по-видимому нитроглицерина.

Метательный снаряд, причинивший первый взрыв, как установлено единогласными свидетельскими показаниями, был брошен под карету государя императора именно Николаем Ивановым Рысаковым.

Игнатий Гриневицкий фотография

Свидетели Назаров и Горохов видели Рысакова перед самым проездом государя тихо шедшим по панели канала навстречу императорской карете, причем Горохов заметил у него в руках что-то круглое, вроде тарелки, завернутой в белый платок, а Назаров удостоверил, что, поравнявшись с каретой государя, Рысаков бросил под лошадей что-то белое, похожее на ком снега, и побежал, но был задержан бросившимися на него свидетелями. По словам Назарова, Рысаков по задержании его казался спокойным и даже смеялся, а по объяснении свидетелей Горохова, Несговорова и Макарова, доставивших Рысакова в управление градоначальника, он просил их оградить его от разъяренного народа, за исполнение чего благодарил их.

Что же касается до виновника второго взрыва, то крестьянин Петр Павлов показал, что когда государь, отойдя от задержанного Рысакова, направился по панели канала, то неизвестный человек, стоявший боком и прислонившись к решетке, выждал приближение государя императора на расстояние не более двух аршин и, приподняв руки вверх, бросил что-то на панель, отчего и последовал второй взрыв.

Несмотря на отсутствие прямых указаний на личность упомянутого виновника второго взрыва, при производстве дознания были собраны данные, приводящие с полной вероятностью к заключению о том, что означенный взрыв был произведен одним из пострадавших от него же неизвестным человеком, который был поднят на месте преступления и доставлен в бессознательном состоянии в Придворный госпиталь Конюшенного ведомства, где и умер спустя 8 часов, придя несколько в себя и ответив перед смертью на вопрос о своем имени и звании: «Не знаю».

По судебно-медицинскому осмотру и вскрытию трупа этого неизвестного человека, на теле его и преимущественно на передней части тела, в том числе в особенности на правой руке, оказалось множество поранений, причиненных, по мнению врачей-экспертов, при взрыве, который по характеру повреждений, в связи с свойствами взрывчатого вещества, должен был произойти в весьма близком расстоянии от умершего, не далее как на три шага.

II

При производстве совокупного расследования по делам о предшествовавших покушениях на жизнь священной особы ныне в Бозе почившего государя императора: 2 апреля, 18-го и 19 ноября 1879-го и 5 февраля 1880 года, были обнаружены данные, последовательный

ряд которых приводил к предположению о задуманном и уже готовящемся в среде известных по прежним делам преступных деятелей новом таковом же посягательстве, а при возникновении настоящего дела выяснились указания на принадлежавших к этой среде истинных зачинщиков и руководителей злодеяния 1 марта 1881 года. Из имеющихся в настоящем деле сведений об означенных данных, составляющих предмет еще производящегося, но уже близкого к окончанию особого дознания, видно, что в ноябре 1880 года был арестован дворянин Александр Михайлов, проживавший под фамилией Поливанова, при обыске у которого найден динамит и другие предметы, свидетельствующие о его преступной деятельности. Вслед за тем, при дальнейших розысках, были обнаружены две занимаемые членами партии квартиры, из которых в первой, по Большой Подъяческой улице, д[ом] № 37, производилось заготовление значительного количества динамита, а в другой, по Подольской улице, д[ом] № 11, помещалась тайная типография. Посетители этих квартир, проживавшие под чужими именами и по подложным видам на жительство, были задержаны один за другим, причем в числе их оказались известные по прежним розыскам и процессам агитаторы: Фриденсон (Агаческулов), Баранников (он же Кошурников и Алафузов) и Колоткевич (Петров). Затем результаты исследования привели к заключению, что в кружке означенных лиц играли видную и влиятельную роль: проживавший под своим собственным именем действительный студент Михаил Тригони и крестьянин Таврической губернии, Феодосийского уезда, деревни Николаевки Андрей Иванов Желябов, разыскиваемый по обвинению в покушении на жизнь его императорского величества, совершенном 18 ноября 1879 года близ города Александровска Екатеринославской губернии. Желябов был арестован 27 февраля сего года одновременно с Тригоном в квартире последнего, на углу Невского проспекта и Караванной улицы, в доме Лихачева.

По обнаружении местожительства Желябова, проживавшего вместе с женщиною, именовавшей себя Лидией Антоновой Войновой, по 1-й Роте Измайловского полка, в доме № 37—18, кв. № 23, под именем Николая Иванова Слатвинского, в квартире его утром 1 марта, всего лишь за несколько часов до совершения злодеяния, жертвой которого пал ныне в Бозе почивший государь император, был произведен обыск, при котором, кроме разных принадлежностей химических опытов, могущих служить и для приготовления взрывчатых веществ, были найдены между прочим четыре жестянки из-под конфет и одна из-под сахару, с остатками в четырех жестянках (трех из-под конфет и одной из-под сахару) черного вещества, а также две каучуковые красивые трубки.

По заключению эксперта, заведующего химической лабораторией Михайловской артиллерийской академии и училища генерал-майора Федорова, означенное вещество есть черный динамит, а каучуковые трубки подобны тем, которые были употреблены при устройстве нижеупомянутых метательных взрывчатых снарядов. В названных жестянках, по мнению генерала Федорова, могло помещаться около двух пудов динамита.

Женщина, проживавшая вместе с Желябовым под именем Лидии Войновой, скрылась из вышеуказанной квартиры Желябова на другой день его ареста, 28 февраля вечером, и была задержана лишь 10 марта на Невском проспекте околоточным надзирателем Широковым.

Задержанная оказалась дворянкой Софией Львовою Перовскою, обвиняемой и разыскиваемой по делу о покушении на жизнь священной особы государя императора, совершенном 19 ноября 1879 года близ города Москвы, на линии Московско-Курской железной дороги.

По обыску при Перовской были между прочим найдены печатные прокламации: от 2 марта 1881 года по поводу события 1 марта, 18 экземпляров от «Исполнительного комитета» и 14 экземпляров от рабочих членов партии «Народная воля».

Дознанием выяснено, что в июне 1880 года Перовская под именем Войновой вместе с женщиной, называвшейся дочерью священника Ольгой Сипович и еще не разысканной, выбыла из д[ома] № 32—4 Петербургской части, 1-го участка, на углу Большой и Малой

Белозерской улиц и переехала на жительство в кв[ртиру] № 23, д[ом] № 17–18 по 1-й Роте Измайловского полка. В октябре Сипович уехала, по заявлению ее – в Ораниенбаум, а вскоре после ее отъезда у Перовской под видом ее брата поселился Желябов, проживавший под именем Николая Ивановича Слатвинского.

Из показаний свидетелей: старшего дворника д[ома] № 17–18, крестьянина Харитона Петушкова, его подручного дворника, запасного рядового Григория Афанасьева, и содержательницы мелочной лавочки в доме, крестьянки Ирины Афанасьевой – называвшиеся Слатвинским (Желябов) и Войновой (Перовская) жили весьма уединенно, гостей не принимали, писем не получали, прислуги не имели, так что Войнова (Перовская) сама покупала провизию и готовила кушанье. 27 февраля она вышла из квартиры вместе с Слатвинским (Желябовым), который уже более не возвращался; Войнова же (Перовская) вернулась вечером и провела ночь дома. 28 февраля она два раза через задний ход приходила в лавочку Афанасьевой, причем в первый раз купила коленкору, а во второй тесьмы, говоря, что покупает это для платья. В оба свои прихода в лавочку она выходила из нее чистым входом прямо на улицу, причем после вторичного ее появления у Афанасьевой около 9 часов вечера Войнову (Перовскую) уже в доме не видели, и 1 марта, по приезде должностных лиц для производства обыска в квартире Желябова, квартира эта оказалась пустой.

III

Вследствие сведений, полученных властями при производстве расследования по настоящему делу о том, что по Тележной улице, в доме № 5, находится так называемая «конспиративная» квартира, то есть такое помещение, в котором собирались злоумышленники и производились приготовления к преступлению 1 марта, в означенном доме, в квартире № 5, сделан был в ночь на 3 марта внезапный обыск. При объявлении должностными лицами, явившимися на обыск, о цели их прибытия лицу, спросившему их о том через запертую наружную дверь квартиры, в этой последней послышалось несколько выстрелов, и затем какая-то женщина отперла дверь, через которую должностные лица и проникли в квартиру. В первой комнате, направо, они нашли лежащим на полу окровавленным только что, по-видимому, застрелившегося человека. По заключению приглашенного для подачи ему медицинской помощи врача Павлова, человек этот нанес себе выстрелами из револьвера несколько ран, в том числе одну безусловно смертельную в висок. Не выходя из бессознательного состояния, неизвестный тут же вскоре умер. По осмотру домовых книг и по показаниям свидетелей оказалось, что он проживал в квартире № 5 вместе с упомянутой задержанной в ней женщиной под именем супругов Фесенко-Навроцких, по подложному паспорту на имя коллежского регистратора Ивана Петрова Фесенко-Навроцкого.

При расследовании, произведенном с целью обнаружить личность застрелившегося человека, проживавшего под именем коллежского регистратора Ивана Фесенко-Навроцкого, подполковник 1-го лейб-гренадерского Екатеринославского полка Иван Алексеев Саблин признал в предъявленном ему фотографическом снимке застрелившегося родного брата своего, дворянина Николая Алексеева Саблина, который в 1878 году выехал из города Москвы неизвестно куда, причем с тех пор родные его никаких известий о нем не имели.

Женщина, задержанная в «конспиративной» квартире, оказалась мозырской мещанкой Гесей Мировой Гельфман. По ее объяснениям, проживавший вместе с ней в этой квартире неизвестный, называвшийся Фесенко-Навроцким, застрелившийся пред обыском, был действительно Николай Алексеев Саблин.

Из имеющихся в деле сведений видно, что означенный Саблин в 1873 и 1874 годах, принадлежа к революционному кружку, образовавшемуся в Москве, и действуя как здесь, так и в Ярославской губернии, занимался преступной пропагандой в народе совместно

со скрывающимися ныне революционными деятелями Николаем Морозовым и Иванчиным-Писаревым. Затем, уехав в 1874 году за границу, Саблин в марте 1875 года вместе с Морозовым возвратился в Россию, причем был задержан в пограничном селении Кибарты с прусской легитимационной картой на имя Фридриха Вейсмана. Привлеченный к делу о революционной пропаганде в империи и преданный суду Особого присутствия Правительствующего сената для суждения дел о государственных преступлениях, Саблин был признан виновным во вступлении в преступное тайное сообщество, предусмотренное 2 отд. ст. 250 Уложения о наказаниях, с знанием о целях его, за что, как изложено в приговоре Особого присутствия, состоявшемся 18 октября (23 января) 1877–1878 годов, он подлежал наказанию, указанному в 3 степ. 31-й ст. Уложения о наказаниях, причем Особое присутствие, приняв во внимание обстоятельства, смягчающие в числе других и его, Саблина, вину в размерах, выходящих из пределов власти суда, и между прочим долговременное содержание его под стражей и молодость, определило: ходатайствовать перед монаршим милосердием о вменении ему в наказание предварительного ареста, на каковое ходатайство и последовало высочайшее его императорского величества ныне в Бозе почившего государя императора соизволение.

По обыску в «конспиративной» квартире был найден ряд вещественных доказательств, имеющих непосредственную связь со злодейским деянием 1 марта. Из числа означенных вещественных доказательств особое значение, по заключению экспертов, представляют нижеследующие предметы: 1) две метательные мины, взрывающиеся при бросании от удара, в жестянках, заключающих в себе, как подробно объяснено в заключении и чертежах генерал-майора Федорова, взрывчатый аппарат, который представляет систему сообщающихся друг с другом снарядов: а) с серной кислотой, б) с смесью бертолетовой соли, сахара и сернистой сурьмы, в) с гремучей ртутью и г) из пироксилина, пропитанного нитроглицерином. Передавая друг другу посредством стопина воспламенение, вследствие удара или сотрясения, снаряды эти доводят его наконец до смеси гремучего студня с камфарой, действующей при взрыве в шесть раз сильнее пороха; часть означенного аппарата устроена вдвойне таким образом, чтобы взрыв последовал при падении метательной мины в каком бы то ни было направлении; 2) колба и реторта, служащие для химических опытов; 3) стеклянные шарики с серной кислотой; 4) небольшая деревянная призма, представляющая, по предположению эксперта, часть модели метательного снаряда; 5) фарфоровая ступка, в которой перетиралась бертолетовая соль; 6) записка на клочке бумаги о вышеупомянутой смеси бертолетовой соли с сахаром и сурьмой; 7) рисунок карандашом, на обороте транспаранта, какого-то аппарата для производства гальванического тока, не имеющий, впрочем, отношения к метательным снарядам; 8) план города С.-Петербурга с карандашными отметками в виде неправильных кругов на здании Зимнего дворца и с слабыми карандашными же линиями, проведенными от здания Михайловского манежа по Инженерной улице, по зданию Михайловского дворца и по Екатерининскому каналу, и 9) сделанные карандашом на обороте конверта план, без соблюдения масштаба, представляющий, по сличении его с планом города С.-Петербурга, сходство с местностью между Екатерининским каналом, Невским проспектом, Михайловским дворцом и Караванной улицей с обозначением Михайловского манежа, Инженерной улицы и Малой Садовой. На плане этом между прочим имеются знаки на Екатерининском канале, Манежной площади и круг посредине Малой Садовой.

IV

По указаниям, сделанным обвиняемым Рысаковым, была обнаружена квартира, в которой обвиняемая Гельфман проживала до переезда своего в дом № 5 по Тележной улице. Квартира эта помещалась под № 25, в д[оме] № 27—1 по Троицкому переулку, причем Гельфман

жила в нем под именем Елизаветы Андреевой Николаевой, вместе с неизвестным человеком, проживавшим под именем московского мещанина Андрея Иванова Николаева, которого она выдавала за своего мужа.

Осмотром домоводной книги означенного дома № 27—1, а также показанием дворника его, отставного рядового Усмана Булатова, удостоверено, что Николаевы записаны переехавшими в этот дом 15 сентября 1880 года из Петергофа, а выбывшими 17 февраля 1881 года в Москву. По словам Булатова, Николаева (Гельфман), жившая с мужем очень скромно и уединенно, носила куда-то из своей квартиры картонные листы. Человек, называвшийся Николаевым, выбыл из квартиры на несколько дней раньше Гельфман, причем отметил выбывшим в Москву. Вскоре и Гельфман, заявив, что муж ее умирает в Москве и что она едет к нему, продала свою мебель и с одним чемоданом выехала из квартиры.

3 марта, утром, вскоре после вышеупомянутого обыска в доме № 5 по Тележной улице, где были оставлены чины полиции с приказанием задерживать каждого, кто придет в обысканную квартиру, явился молодой человек и, поднимаясь по лестнице во второй этаж, где находилась означенная квартира, был встречен дворником Мироном Сергеевым. На вопрос последнего, куда он идет, неизвестный, спросив кучера, указал на квартиру № 12, каковой вовсе в доме не имеется, вследствие чего был приглашен в кв. № 5, где и задержан. Когда же было приступлено к производству у него обыска, то он, выхватив из кармана револьвер, сделал шесть выстрелов в задержавших его полицейских чинов, из которых нанес схватившему дуло револьвера городскому Ефиму Денисову опасную для его жизни рану в правый пах и помощнику пристава 1-го участка Александро-Невской части Слуцкому контузию груди, с ушибом правого легкого. Обезоруженный и вследствие описанного сопротивления связанный, неизвестный человек был доставлен в управление с. — петербургского градоначальника, где и оказался крестьянином Смоленской губернии, Сычевского уезда, Ивановской волости, дер[евни] Гаврилково Тимофеем Михайловым.

Изложенное удостоверяется показаниями прикомандированного в 1-му участку Александро-Невской части коллежского асессора Рейнгольда, помощника пристава Слуцкого, околоточного надзирателя Зезюкина, городских Ивана Шлыкова, Ефима Денисова и дворника Мирона Сергеева, а также протоколами обыска у Тимофея Михайлова и судебно-медицинского освидетельствования Слуцкого.

При обыске у Тимофея Михайлова был найден печатный экземпляр высочайшего Манифеста от 1 марта 1881 года о восшествии на всероссийский престол его императорского величества императора Александра III; на обороте этой бумаги оказались написанные карандашом адреса трех пунктов в городе С.-Петербурге с означением при каждом известных часов и между прочим с указанием кондитерской Исакова, на углу Невского проспекта и Малой Садовой, и с отметкой против этой записи о четырех часах.

Вследствие такого указания, в означенной кондитерской, в четвертом часу пополудни 3 марта, были приведены в известность все лица, оказавшиеся в ней в этот час, причем был задержан сын священника Иван Григорьев Орлов, назвавшийся мещанином Козыревым, имевший при себе чужой вид на жительство на это последнее имя, а также небольшой кинжал. У него же, по обыску, кроме противоправительственных изданий и рукописей, указывающих на его преступную агитационную деятельность в народе, оказалось два исписанных листа бумаги, в которых говорится о бедственном положении крестьян и рабочих.

Листы эти, по собственному признанию Тимофея Михайлова, оказались писанными его рукою.

О задержанном при вышеприведенных обстоятельствах сыне священника Орлове, заявившем при допросе о принадлежности своей к «социально-революционной партии», возбуждено и производится особое от настоящего дела дознание.

V

4 марта 1881 года, вследствие заявления дворников дома № 56—8 (графа Менгдена), находящегося на углу Малой Садовой и Невского проспекта, того самого, в котором помещается и вышеупомянутая кондитерская Исакова, о том, что содержатель сырной лавки в подвальном этаже того же дома крестьянин Евдоким Ермолаев Кобозев скрылся вместе с женой своею Еленой Федоровой, а в самой лавке найдена земля и разные орудия землекопания, местная полиция произвела осмотр означенной лавки, оставленной хозяевами, причем, по приглашению на место судебного следователя, из жилья, смежного с лавкой, под ближайшим к ней окном, был обнаружен подкоп под улицу Малую Садовую.

По осмотру судебным следователем при участии экспертов: генерал-майора Федорова, военного инженера штабс-капитана Родивановского, командира гальванической роты полковника Лисовского и офицеров той же роты штабс-капитана Линденера и поручика Тишкова — как внутренности лавки и смежных к ней помещений, так и самого подкопа, исследованного с помощью поименованных экспертов и нижних чинов гальванической роты, оказалось в общих и наиболее существенных чертах нижеследующее: в самой лавке, на прилавке, разложены сыры и оставлены разные записки, не имеющие значения по своему содержанию; в стоящих здесь же бочке и кадке, под соломой и за деревянной обшивкой нижней части задней и боковых стен, сложена земля. В смежном жилье такая же земля найдена под сиденьем дивана и рядом, в подвальных помещениях, девять деревянных ящиков, наполненных землей, и шесть мокрых мешков, в которых, по-видимому, носили землю. В разных местах разбросаны землекопные и минные инструменты, как то: бурав с его принадлежностями, ручной фонарик с лампочкой и проч. В жилье стена; под первым от входа окном пробита, и в ней открывается отверстие, ведущее в подземную галерею, обложенную внутри досками и простирающуюся на две с лишком сажени до середины улицы. В отверстии оказалась склянка с жидкостью (двухромокислым кали) для заряжения гальванической батареи системы Грене, четыре элемента которой найдены тут же в корзине. От батареи шли по mine провода, оканчивавшиеся зарядом. По заключении генерал-майора Федорова, заряд этот состоял из системы черного динамита, количеством около двух пудов, капсюли с гремучей ртутью и шашки пироксилина, пропитанного нитроглицерином. Такая система вполне обеспечивала взрыв, от которого должна была образоваться среди улицы воронка до двух с половиной сажен в диаметре, а в соседних домах были бы вышиблены оконные рамы и могли бы обвалиться печи и потолки. Что же касается до земли, найденной в лавке Кобозева, то, по заключению полковника Лисовского, количество ее соответствует объему земли, вынутой из галереи.

Следствием обнаружено, что называвшие себя супругами Кобозевыми наняли лавку в д[оме] графа Менгдена в декабре 1880 г[ода] по контракту за 1 200 рублей в год и, переехав в январе, открыли торговлю сыром при такой обстановке, которая скоро обратила на себя внимание многих свидетелей как не соответствовавшая свойствам, образу жизни и внешности обыкновенной торговли и обыкновенных торговцев. Торговля производилась неумело и как бы лишь для виду, Кобозев казался человеком, стоящим гораздо выше своего состояния, жена его обнаруживала привычки, несвойственные жене простого торговца, кроме того, часто не ночевала дома. Вследствие павшего поэтому на лавку Кобозевых подозрения в лавке их 28 февраля 1881 г[ода] по распоряжению градоначальника, местной полицией при участии техника генерал-майора Мровинского произведен был осмотр под видом технических и санитарных целей. Осмотр этот не дал никаких результатов, причем, однако же, по удостоверениям свидетелей: Мровинского, пристава 1-го участ[ка] Спасской части Теглева и дворника Никифора Самойлова — Кобозев казался смущенным и испуганным. После

осмотра 1 и 2 марта Кобозевы поочередно уходили из дома, а 3 марта Кобозев ушел утром, жена же его вечером, после чего они более не возвращались.

Изложенное удостоверяется, кроме показаний Мровинского, Теглева и Самойлова, еще показаниями посещавших лавку Кобозевых: управляющего домом графа Менгдена Георгия Петерсона, дворников Никифора Ульянова и Павла Андреева, околоточного надзирателя Исайи Дмитриева, старшего помощника пристава Лерепланда, с. – петербургского 2-й гильдии купца Федора Новикова, содержателя живописно-лакировальной мастерской Ивана Шмидта.

Паспорт, по которому проживали Кобозевы, оказался подложным, а настоящий Евдоким Андреев Кобозев – безвыездно проживающим в гор[оде] Воронеже.

Дальнейшим расследованием было обнаружено, что до переезда своего в лавку на Малой Садовой Кобозевы с 28 ноября 1880 года проживали в доме № 75, на углу Невского проспекта и Новой улицы, в меблированных комнатах Афанасьева, где дочь хозяина, Екатерина Афанасьева, видела у них на столе сторублевые кредитные билеты, которые они, уходя, оставляли неприбранными.

По показаниям дворников Никифора Самойлова и Никифора Ульянова, в лавку Кобозевых ходили люди, казавшиеся подозрительными. Так, свидетель Самойлов заметил, что двое из этих людей, прошедших мимо него 27 февраля, закрывали свои лица воротниками. Узнав от Самойлова о приходе к Кобозевым одного из этих людей, молодого человека, околоточный надзиратель Исайя Дмитриев проследил его от лавки Кобозевых до угла Невского и Малой Садовой, где означенный человек нанял извозчика, так называемого «лихача», на Вознесенском проспекте за 1 рубль. По словам этого извозчика, крестьянина Федора Гордина, неизвестный дорогой изменил цель своей поездки и приказал ехать в Измайловский полк, где на углу 1-й Роты и Тарасова переулка, остановив извозчика посередине улицы, сошел, бросил ему 3 р[убля] 20 к[опеек], повернул в переулок сзади саней и скрылся.

По предъявлении всех четырех обвиняемых по настоящему делу дворникам Никифору Самойлову и Никифору Ульянову, они признали в Андрее Желябове: первый – положительно, а второй – по сходству – одного из людей, приходивших к Кобозевым 27 февраля.

По предъявлении обвиняемого Тимофея Михайлова околоточному надзирателю Исайе Дмитриеву и извозчику Федору Гордину, они признали в нем большое сходство с тем вышеупомянутым человеком, который 27 февраля, выйдя из лавки Кобозевых, нанял Гордина на Вознесенском проспекте, а затем сошел в Измайловском полку.

При производстве упомянутого выше обыска в квартире Желябова и начатого еще утром 1 марта осмотра всего, при этом обыске найденного, между предметами, находящимися у Желябова, оказались четыре куска сыру, из которых два круга русского зеленого сыра с клеймом «С. А. С», один круг русского голландского сыра и один – русского честера. По сличении через экспертов этих сыров с найденными в лавке Кобозева, они оказались тождественными между собой, причем в лавке были и сыры с клеймами «С. А. С.».

VI

По задержании и привлечении к настоящему дознанию в качестве обвиняемых Николая Рысакова, Андрея Желябова, Софьи Перовской, Геси Гельфман и Тимофея Михайлова, означенным дознанием было обнаружено, что между названными лицами, соединенными друг с другом общностью превратных воззрений и преступной деятельности, существовали близкие отношения, непосредственно предшествовавшие злодеянию и несомненно свидетельствующие о принадлежности их к одному и тому же тайному сообществу, которое, замыслив это злодеяние, привело его в исполнение.

Признаки такового сообщества усматриваются, независимо от изложенных ниже показаний обвиняемых, в следующих данных настоящего дознания:

Вслед за арестом обвиняемого Рысакова были обнаружены две квартиры его: в первой из них, на углу 9-й улицы Песков и Мытнинской, в доме № 32—44, кв. № 17, он нанимал комнату под именем вятского мещанина Макара Егорова Глазева у коллежского регистратора Ермолина, представив и паспорт на означенное имя; во второй квартире, на углу 5-й улицы Песков и Греческого проспекта, в д. № 6—14, кв. № 18 он проживал под своим собственным именем, нанимая комнату у вдовы надворного советника Ксении Холодковской. В первой из означенных квартир, кроме разных рукописей противоположительственного содержания, были найдены: 1) №№ 2 и 3 «Народной воли»; 2) рукопись под заглавием: «Объяснительная записка к программе рабочих членов партии “Народная воля”»; 3) печатный экземпляр самой программы и 4) рукопись под заглавием: «Задачи боевой рабочей организации», содержащая воззвание к «товарищам», которые приглашаются вести борьбу с правительством путем открытых насильственных действий.

Из показаний хозяйек квартир, в которых проживал Рысаков, — Ксении Холодковской и Прасковьи Ермолиной, видно, что у первой из них он жил до 31 января сего года, причем к нему ходил лишь один молодой человек, которого он называл своим товарищем студентом. Во время проживания Рысакова у Ермолиной его посещали по вечерам, вместе и порознь, шесть человек его знакомых, с которыми он и уходил вместе, возвращаясь домой поздно ночью.

3 марта, по указаниям Рысакова, была обнаружена и квартира того самого неизвестного человека, который умер от повреждений, полученных им при взрыве 1 марта. Под именем виленского мещанина Николая Степанова Ельникова он проживал на Выборгской стороне по Симбирской улице в доме № 59, кв. № 22, у квартирной хозяйки Анны Артамоновой.

По осмотру вещей, оставшихся в квартире Артамоновой, в числе их, кроме шести экземпляров «Рабочей газеты», напечатанных в «Летучей типографии „Народной воли“», и экземпляра упомянутой уже найденной и у Рысакова «Программы рабочих членов партии», оказались еще: 1) счет в израсходовании за ноябрь 33 рублей, с надписью внизу: «отчет Федорова» и 2) платок с меткой «Н. И. Р.».

По предъявлении Артамоновой и служанке ее, солдатской вдове Акулине Смелковой, трупа неизвестного человека, умершего в придворном госпитале, они признали в нем своего жильца Ельникова.

Из показаний Смелковой видно, что Ельников переехал к Артамоновой 15 января 1881 года и вел весьма уединенную жизнь, принимая лишь по вечерам гостей: трех мужчин и двух женщин, из которых один мужчина, высокий и черный, приходил обыкновенно вместе с женщиной с большим лбом, казавшейся его женой. В ночь на 26 февраля Ельников первый раз ночевал дома; 26 числа вечером пришли к нему упомянутые мужчина с женщиной и, кроме того, еще другой светло-русый его знакомый, причем пробыли у него до 12 часов ночи; 27 и 28 февраля Ельникова дома не было, а 1 марта он встал раньше обыкновенного, в 8 часов утра, быстро оделся и ушел, после чего уже не возвращался.

По предъявлении Смелковой обвиняемых: Рысакова, Желябова, Софьи Перовской и Геси Гельфман, — свидетельница признала в них лиц, приходивших к Ельникову, и в частности: в Рысакове — светло-русого человека, нередко приходившего с высоким черным мужчиной и его спутницей и бывшего у Ельникова с ними же 26 февраля; в Желябове — человека, приходившего к Ельникову не менее трех раз; в Перовской — упомянутую спутницу высокого черного мужчины; в Гельфман — женщину, три раза не заставшую Ельникова дома и в последней раз оставившую ему записку.

По предъявлении свидетельнице трупа Николая Саблина, проживавшего в доме № 5 по Тележной улице под именем Фесенко-Навроцкого и застрелившегося пред обыском в

ночь на 3 марта, Смелкова признала в нем высокого черного мужчину, часто приходившего к Ельникову вместе с упомянутой женщиной с большим лбом.

По предъявлении того же трупы Саблина свидетельнице Ермолиной она признала в нем сходство с одним из шести лиц, посещавших Рысакова в ее квартире.

Сверх упомянутых уже выше предметов, найденных по обыскам у Желябова, у Саблина и Гельфман в доме № 5 по Тележной улице и у Перовской, у них, между прочим, оказались:

У Желябова – кроме номеров «Земли и воли» и «Народной воли»: 1) несколько прокламаций, в том числе от «Исполнительного комитета», по поводу взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 года; гектографированная «Программа действия Великорусской партии социалистов-федералистов» с объяснительной запиской и 16 экземпляров фотографических групп осужденных государственных преступников.

У Саблина и Гельфман – 1) печатная прокламация от «Исполнительного комитета» с надписью внизу: «Исполнительный комитет 1 марта 1881 года. Типография „Народной воли“. 2-е марта 1881 года», по поводу злодеяния 1 марта, в которой о нем объявляется как о совершившемся уже событии, с изложением его причин и требований, предъявляемых так называемой «социально-революционной партией» к будущему; 2) многие революционные периодические издания и брошюры на русском языке; 3) два револьвера с принадлежностями и кастет; 4) кусок грифеля с вырезанной на нем печатью московского генерал-губернатора и 5) записка без адреса, подписи и числа на небольшом клочке бумаги, относящаяся, по-видимому, до организации преступной деятельности «партии». В записке этой говорится о добывании и присылке револьверов, кинжалов, паспортов, печатей мещанского старосты, о действии силой и между прочим значится: «Дело пошло как по маслу, нужна бы женщина, еврейка, для неинтеллигентной роли; попросите от меня Гесю, не возьмется ли она за это; если нет, то тогда пусть А. М. поручит ей ведение всех дел в Питере, а сама приезжает».

У Перовской – 1) печатная программа «Исполнительного комитета»; 2) два экземпляра печатной программы рабочих членов партии «Народная воля»;

3) 17 экземпляров «приложения» к № 2 «Рабочей газеты»; 4) рукопись под заглавием: «Подготовительная работа партии», содержание которой после введения, трактующего об общих приготовлениях к восстанию, излагается по отделам со следующими заглавиями:

а) центральная организация, б) организации местные и специальные, в) городские рабочие, г) войско, д) интеллигенция и молодежь и е) Европа; 5) листки бумаги с цифрами (по-видимому, шифром) и разными заметками противоположительного направления;

б) записная книжка с разными чертежами и заметками, представляющими как бы условные слова и знаки.

Кинжал, бывший при Рысакове на месте преступления и полученный им, по его показанию, от Желябова, по внешнему своему виду, имеющимся на нем знакам и выделке оказался совершенно тождественным с кинжалами, отобранными: 1) у называющего себя харьковским мещанином Иваном Яковенко, арестованного в Петербурге в день задержания Тригоны и Желябова и обвиняемого по делу об Александре Михайлове и других так называемых «террористах» и 2) у вышеупомянутого сына священника Орлова, задержанного 3 марта в кондитерской Исакова, по одному из адресов, найденных у обвиняемого Тимофея Михайлова.

VII

Независимо от всех приведенных выше прямых и косвенных доказательств, показания, данные при расследовании настоящего дела Рысаковым, представляя, кроме полного

его сознания, еще и важные разоблачения, вполне освещают план, обстановку и самое совершение злодеяния 1 марта 1881 года.

Показания эти, пространно и подробно изложенные Рысаковым собственноручно при девяти последовательных допросах и в поданном им особо заявлении, касаются по своему содержанию нижеследующих главных предметов.

1. Вступление в социально-революционную партию и отношение к ней.

Сочувствие к социально-революционному движению явилось у Рысакова еще до поступления его в Горный институт, то есть до сентября 1879 года, но до января 1881 года участия в активной деятельности партии «Народная воля» он не принимал. С начала учебного 1880/81 г[ода] Рысаков возымел мысль вступить в революционную рабочую организацию, так как сознавал возможность достигнуть каких-либо результатов при единоличном действии. В это же время на квартире студента Урсыновича Рысаков познакомился с Желябовым, называвшимся «Захаром», знакомство с которым дало возможность ему, Рысакову, расширить и осмыслить свою деятельность среди рабочих. Ввиду успешного сближения Рысакова с рабочими под предлогом обучения их грамоте в январе 1881 года Желябов привел Рысакова в 7-ю Роту Измайловского полка, в квартиру, занятую, по словам Желябова, нелегальными людьми, и там познакомил его с каким-то человеком, который предложил ему вступить в партию членом рабочей организации. Человек этот доставил Рысакову сведения о целях, составе и средствах партии и, между прочим, обещал ему материальную помощь в размере 30 рублей в месяц.

Сближаясь с рабочими под предлогом обучения их грамоте, Рысаков старался организовать рабочие кружки, возбуждая их к открытому восстанию с целью экономического и политического переворота. Как член организации, Рысаков бывал на собраниях агитационной группы, и раза два или три эти собрания происходили у него. На этих сборищах, где он встречался с Желябовым, обсуждались вопросы чисто социальные и агитационные, а о террористических предприятиях говорилось только как о способе к оживлению рабочего движения и к охранению партии от шпионов, но рассуждения эти носили на себе характер общий, принципиальный, и личности для исполнения предприятий еще не намечались.

Не разделяя всех воззрений «Народной воли» и считая ее не знаменем, а партией, он тем не менее думал, что так как народ, не подготовленный к открытому восстанию, может выйти из своего пассивного положения только в том случае, если во главе его станет смелый и решительный предводитель, какими прежде были самозванцы, то роль эта должна быть выполнена партией «Народная воля». В состав рабочей организации входили: а) агитационная группа для пропаганды и руководства движением и б) образовавшаяся среди рабочих в феврале 1881 года по инициативе Желябова боевая дружина рабочих, или террористический отдел, для охранения движения и рабочих от шпионов. Агитационная группа относилась к Исполнительному комитету как подгруппа к группе. К агитационной группе принадлежали, кроме него, Рысакова, Желябова и Перовской, — человек, называвшийся «Инвалидом», и человек, известный ему, Рысакову, под названием «Михаила Ивановича» или «Котика», которого он признал в предъявленном ему трупе неизвестного, умершего в Придворном госпитале и проживавшего под именем Ельникова в доме № 59 по Симбирской улице. Террористический же отдел состоял всего из пяти-шести человек, а именно: из него, Рысакова, Желябова и Михаила Ивановича, какого-то из «интеллигентных» и, кажется, Тимофея Михайлова.

2. Организация и совершение злодеяния 1 марта, по словам Рысакова, не должны были явиться и в действительности не были прямым делом «террористического» отдела рабочих. Исходя от «Исполнительного комитета», это преступление было лишь предложено «комитетом» рабочей боевой дружины, причем он, Рысаков, даже думал сначала, что самое посягательство будет совершено кем-либо из членов «комитета».

Речь о цареубийстве зашла на собраниях террористического отдела, происходивших сначала в квартире Рысакова, а затем в особой конспиративной квартире (Геси Гельфман) по Троицкому переулку; на этой последней квартире, недели за полторы до 1 марта, Желябов «кликнул клич», или, другими словами, вызвал добровольцев, желающих совершить новое покушение на жизнь государя императора, решенное «Исполнительным комитетом». После этих собраний состоялось еще одно в каком-то трактире, где снова обсуждался вопрос о покушении; сначала событие, о котором Желябов говорил с Рысаковым в виде предположения еще до упомянутых собраний, представлялось осаленным, но затем Рысаков стал замечать в Желябове и его товарищах лихорадочную поспешность, которую Рысаков объясняет тем, что состав и силы партии были расстроены только что постигшими ее арестами. На категорическое предложение Желябова совершить покушение Рысаков согласился приблизительно за неделю до 1 марта, после чего вступил в непосредственные сношения с кружком лиц, устраивавших посягательство, и был введен в новую конспиративную квартиру по Тележной улице, которая, по словам Желябова, и была нанята исключительно для приготовления цареубийства. На призыв Желябова совершить преступление отозвались, кроме его, Рысакова, еще «Михаил Иванович» и Тимофей Михайлов, а также, по-видимому, и человек, называвшийся «Михаилом», с которым незадолго перед тем его познакомил Желябов как с «товарищем по делу». Сверх названных лиц на «конспиративной квартире» появилась и Перовская, с которой Желябов познакомил его, Рысакова, еще в начале зимы, причем Рысаков принял тогда же участие, вместе с «Михаилом Ивановичем», в постоянном и правильном наблюдении за выездами государя императора, которое было организовано Перовской. На конспиративной квартире по Тележной улице собирались добровольцы, то есть он, Рысаков, «Михаил Иванович», Тимофей Михайлов и «Михаил». Здесь же Рысаков видел Гесю Гельфман, а также человека, признанного им в предъявленном ему трупe Саблина. На первое же собрание вслед за Желябовым явился человек, которого называли «техником» и который подробно объяснял устройство метательных снарядов по принесенным им образцам. 28 февраля он, Рысаков, «техник», Тимофей Михайлов и «Михаил Иванович» ходили за город в пустынное место за Смольным монастырем пробовать образец снаряда; снаряд этот был брошен Тимофеем Михайловичем и удачно разорвался. Оттуда участники задуманного преступления отправились на конспиративную квартиру для получения каких-то указаний от Желябова, который, однако же, не пришел, причем, кажется, Гельфман сказала, что если он не придет, «то, значит, занят». На другой день, 1 марта, в 9 часов утра, согласно состоявшемуся накануне уговору, все вновь сошлись на конспиративной квартире для получения снарядов и необходимых указаний. Здесь были: он, Рысаков, Тимофей Михайлов, «Михаил Иванович» и «Михаил». Вскоре пришла Перовская и принесла с собой узел со снарядами, в котором их было не больше двух; она сообщила об аресте Желябова и объяснила, что, несмотря на работу в течение всей ночи, не успели приготовить предположенного прежде количества снарядов. «Может быть, и еще принесут, – сказала Перовская, – нужно довольствоваться малым». Затем явился «техник» и, как кажется Рысакову, также принес снаряды. Все указания для совершения злодеяния были даны Перовской, которая начертила на конверте план местности и каждому из участников указала на нем назначенный ему пункт. При этом состоялось следующее распределение: на Малой Садовой имел произойти взрыв при проезде государя, а лица, вооруженные метательными снарядами, были расставлены поблизости. Он, Рысаков, должен был стать у Екатерининского сквера, а «Михаил» – на углу Невского проспекта и Малой Садовой. На противоположном конце этой улицы, на углу Б[ольшой] Итальянской, близ Манежной площади, как на опаснейшем месте, должны были поместиться лица, более друг с другом знакомые, более опытные и с лучшим революционным прошлым; здесь могли стать «Михаил Иванович» и Тимофей Михайлов. При взрыве на Малой Садовой, где, по словам Перовской, государя «уже

ждут», все лица со снарядами должны были, на случай неудачи, спешить к месту взрыва. В случае же если бы государь император не проследовал по Малой Садовой, то свидание с Перовской было условлено на Михайловской улице, где она должна была подать знак о том, что следует идти на Екатерининский канал и здесь ждать возвращения государя в Зимний дворец после обычного посещения им Михайловского дворца. Когда же оказалось, что государь император проследовал в Манеж не по Малой Садовой, а из Манежа после посещения Михайловского дворца направился по Екатерининскому каналу, то он, Рысаков, придя по сигналу Перовской на набережную этого канала, бросил свой снаряд, завернутый в платок, под ноги лошадам ехавшей ему навстречу императорской кареты, после чего и был задержан. Тут же на набережной он, как ему кажется, видел пред собой на далеком расстоянии «Михаила Ивановича».

3. Стараясь объяснить причины, побудившие его решиться на цареубийство, Рысаков показал, что партия «Народная воля» считает террор одним из средств предпринятой ею политической борьбы: во-первых, для охранения революционного движения; во-вторых, для того, чтобы доказать народу силу и тем «высоко держать свое знамя и доставить ему обаяние», в-третьих, как ответ на строгие репрессивные меры правительства. Этими же соображениями обуславливалась и решимость партии стремиться к цареубийству. Не разделяя их в целом их составе и не сочувствуя террору вообще как постоянному средству борьбы, он, Рысаков, однако же, видел в терроре, и в особенности в посягательстве на жизнь ныне в Бозе почившего монарха, в данное время единственный, по его мнению, выход из общего натянутого и тягостного положения, единственное средство создать новые, удобнейшие условия жизни и деятельности социалиста как деятеля во имя блага народа. «Социалист, – заявляет обвиняемый, – если образно выразиться, носил свое право в дуле револьвера». В частности, со своей собственной точки зрения, он, Рысаков, видел в удачном цареубийстве средство: 1) прекращения вообще террора, уже ненужного при новом строе; 2) свободное развитие мирной социалистической пропаганды; 3) устранение экономических причин, могущих вызвать кровавый деревенский, аграрный террор, направленный против ближних врагов крестьянства, или бесформенный народный бунт, недоступный руководству партии и притом столь страшный по своим последствиям, что, по подлинным словам Рысакова, даже «мы, закоренелые злодеи, и те пугались его», и, наконец, 4) устранения непримиримо враждебного отношения верховной власти к социалистам. В силу всего этого он, по справедливому выражению Желябова, действительно рвался на цареубийство. Таким образом он, Рысаков, выступив, по предложению Желябова, добровольцем для совершения посягательства на жизнь государя императора, в сущности совершенно расходился со своею партией во взглядах на значение и цели этого деяния, посредством которого он хотел вызвать, при изменившихся условиях внутренней политической жизни всей страны, переход от не сочувственной ему исключительно политической борьбы к более согласной с его убеждениями мирной экономической борьбе за истинные, чуждые посторонней примеси, социалистические начала. Потому, давая Желябову согласие на преступление 1 марта, он поступал не как слепое орудие, а, по его выражению, «по чистой совести и побуждениям своей души и сердца».

В разъяснении прошедшей жизни и личной обстановки Рысакова, дознанием обнаружены некоторые характеристические данные, а именно:

Сын управляющего лесопильным заводом Громова в Вытегорском уезде Олонецкой губернии, Рысаков родился 2 мая 1861 года, а в 1874 году поступил в Череповецкое реальное училище, где успешно окончил курс в 1878 году и затем поступил в Горный институт, от которого, по крайней бедности, неоднократно получал единовременные пособия в 30–50 рублей, в том числе деньги для внесения платы за слушание лекций и на практические занятия. Кроме того, он получал еще из конторы Громова по 30 рублей в месяц за счет своего

отца. В декабре 1879 года, по арестовании государственного преступника Степана Ширяева, Рысаков с товарищем своим Коновкиным явился на квартиру Ширяева требовать выдачи оставшихся после него вещей, вследствие чего и был задержан, причем оказалось, что перед этим Рысаков жил на одной квартире с обвиняемой по одному с Ширяевым делу Анной Долгоруковой. В декабре 1880 года был произведен обыск у заподозренного в политической неблагонадежности рабочего Ивана Гаврилова, у которого проживал и Рысаков. Это обстоятельство, по объяснению Рысакова, и побудило его, во избежание ареста, перейти на так называемое «нелегальное» положение, то есть проживание по чужому паспорту на имя Глазова. С того же времени, приблизительно с января 1881 года, он окончательно примкнул к «социально-революционной партии» и стал через Желябова получать содержание из ее фонда по 30 рублей в месяц. За неделю до перехода его на нелегальное положение Желябов, заявив ему о крайней недостаточности средств «социально-революционной партии», просил его достать денег, вследствие чего Рысаков под предлогом практических занятий взял у кассира Громова свое содержание за три месяца вперед, из которого и передал Желябову около 50 р[ублей].

По отзывам свидетелей, знавших Рысакова в Череповецком реальном училище и в Горном институте, он учился усердно и вел весьма скромную жизнь.

По показанию свидетельницы Ермолиной, Рысаков, обыкновенно встававший после ночных отлучек весьма поздно, 1 марта встал рано и в противоположность своей всегдашней угрюмости, казался особенно веселым и разговорчивым. На вопрос Ермолиной, куда он собрался так рано, Рысаков, уходя, отвечал: «Служба», а на замечание ее, что сегодня «воскресенье и нигде присутствия нет», обвиняемый сказал, что он идет в гости и что это «все равно служба».

Обвиняемый Андрей Иванов Желябов, признавая фактическую сторону приписываемых ему преступных деяний и сообщая некоторые подробности об организации «социально-революционной партии», объяснил, что служит делу народного освобождения и принадлежит к партии «Народная воля», которая считает уничтожение правителей одним из средств активной борьбы для достижения своих целей. Состоя агентом третьей степени при «Исполнительном комитете», то есть пользуясь его полным доверием, он получил от «комитета» поручение организовать посягательство на жизнь государя императора. Для этой цели из всех боевых дружин партии, которых в распоряжении «комитета» имеется несколько, и в том числе боевая рабочая дружина, были вызваны «добровольцы». Из числа ответивших на этот призыв 47 человек, он, Желябов, выбрал наиболее, по его мнению, пригодных, в том числе и Рысакова, которого он считал одним из самых преданных революционному делу деятелей, но которому, однако же, он, Желябов, отводил лишь место пособника для выправки из него самостоятельного бойца на будущее время. Не сообщая об этом Рысакову, обвиняемый заставлял его переживать самые серьезные ожидания. Тем не менее влияние его, Желябова, под которым в известной степени находился Рысаков, не исключало его самобытного развития и таковой же деятельности. Для совершения цареубийства были избраны метательные снаряды. Тимофей Михайлов в этом деле не принимал никакого участия. Что же касается до него, Желябова, то арест помешал ему принять физическое участие в посягательстве на жизнь государя императора, нравственное же его участие было полное.

2 марта обвиняемый Желябов прислал на имя прокурора С.-Петербургской судебной палаты заявление, в котором, высказывая свою совершенную солидарность с Рысаковым и требуя, по его выражению, «приобщения его, Желябова, к делу 1 марта», объясняет, «что он многократно покушался на жизнь ныне в Бозе почившего государя императора и не принял физического участия в преступлении 1 марта лишь по случайности. Далее, восхваляя Рысакова, он выражает опасение, что правительство «за недостатком формальных улик» против

него, «ветерана революции», предпочтет «внешнюю законность внутренней справедливости», во избежание чего он, Желябов, и просит о привлечении его к настоящему делу.

Из имеющихся в деле сведений о личности и прошедшем Желябова, которого умерший обвиняемый по делу о так называемых террористах Гольден-берг характеризует как личность «в высшей степени развитую и гениальную», оказывается, что Желябов в 1872 году был исключен из Новороссийского университета за беспорядки, затем судился по делу о революционной пропаганде и по оправдании, по собственному его показанию, проживал под разными именами в разных местах на средства из фонда народа.

Обвиняемая Софья Львова Перовская, признавая как принадлежность свою к партии «Народная воля», так и свое участие в посягательстве 1 марта 1881 года, показала, что она занимается революционной деятельностью, а средства к жизни получает частью из фонда партии. Получив домашнее образование и поступив в 1869 году на Высшие женские курсы при 5-й С.-Петербургской мужской гимназии, она в 1870 году оставила родительский дом и после некоторого приготовления сделалась народной учительницей, а в 1872 году примкнула к революционному движению, причем несколько раз подвергалась аресту и судилась по делу о революционной пропаганде в империи. В 1878 году она была вновь арестована и подлежала административной высылке в Олонецкую губернию, но с пути следования скрылась и с тех пор жила «нелегально» под разными фамилиями и по подложным видам на жительство. В июне 1880 года под фамилией Войновой она поселилась в Петербурге, в д. № 17–18 по 1-й Роте Измайловского полка, вместе со своей знакомой, настоящей фамилии которой она назвать не желает и которая проживала под фамилией Сипович. В сентябре к ней на квартиру вместо уехавшей Сипович переехал Желябов. Как член партии «Народная воля» и «агент Исполнительного комитета», она знала обо всем происходившем в террористической отрасли деятельности этой партии и принимала непосредственное участие как в приготовлениях к преступлению 1 марта и в происходивших по поводу его совещаниях между соучастниками, так и в самых действиях по исполнению замысла. Уже за несколько времени до 1 марта она вместе с другими лицами следила за обычными выездами государя императора и затем участвовала в состоявшемся 28 февраля соглашении действовать именно 1 марта. Подкоп по Малой Садовой был устроен на случай проезда государя по этой улице. Независимо от этого подкопа предстояло еще действие метательными снарядами, часть коих, именно два, она, Перовская, утром привезла в дом № 5 по Тележной улице в квартиру, хозяевами которой были застрелившийся в ней перед обыском человек (Саблин) и Геся Гельфман. Своих снарядов в означенной квартире не было, но откуда они были принесены туда обвиняемой, а также сколько их всех было, считая в том числе и снаряды, принесенные другими, она объяснить не желает. По спешности дела и краткости срока, истекшего со времени принятого накануне решения совершить преступление 1 марта, не могло быть приготовлено большого количества снарядов, о чем она, Перовская, и объяснила своим соучастникам по приезду своем на квартиру по Тележной улице утром названного дня. Здесь же, при окончательном распределении участия каждого, она нарисовала на конверте, найденном по обыску в квартире Саблина и Гельфман, план местности, на котором и объяснила лицам, отправлявшимся со снарядами, где они должны были находиться. Сколько их было, она сказать не желает, равным образом не желает и назвать их, кроме Рысакова, также получившего снаряд. По заранее составленному плану, отправив на условленные места лиц, вооруженных снарядами, обвиняемая также отправилась на место действия, причем находилась на углу Большой Итальянской улицы и Михайловской площади, для того чтобы наблюдать за направлением пути, принимаемым государем императором. Увидя, что его величество, не проехав по Малой Садовой и, таким образом, благополучно миновав устроенный на ней подкоп, направляется из Манежа в Михайловский дворец, а затем имеет следовать по Екатерининскому каналу, она, Перовская, пошла по Михайловской улице, где встреченным ею

лицам со снарядами, в том числе и Рысакову, подала, молча, сморкаясь в платок, условный сигнал, означавший, что нужно идти для действия на Екатерининский канал. Сама же она снаряда при себе не имела, так как такового для нее в этот день не достало. Подав сигнал, обвиняемая вышла на Невский проспект и затем по Казанскому мосту обошла на противоположную сторону Екатерининского канала, для того чтобы оттуда наблюдать за действием метательных снарядов. Во время обоих взрывов она находилась на противоположной стороне Екатерининского канала и по совершении их удалилась.

Что же касается до мотивов своей преступной деятельности в составе партии «Народная воля», то Перовская дала им следующее объяснение: стремясь к поднятию экономического благосостояния народа, а также уровня его нравственного и умственного развития, члены партии с целью пробудить в народе общественную жизнь и сознание его гражданских прав стали селиться в разных местностях среди народа для пропаганды. Когда же правительство ответило на это рядом репрессивных мер и тем сделало такую постановку деятельности невозможной, «партия» после долгого колебания была вынуждена перейти к политической борьбе против существующих государственных форм как главного препятствия к достижению целей «партии». Большинство «партии» не сочувствовало этой борьбе, порицало ее, но она тем не менее была предпринята, и притом главным образом посредством «террористических фактов». Упорство же в покушениях на жизнь в Бозе почившего государя императора было вызвано убеждением, что усопший государь никогда не изменит «ни своего отношения к партии», ни своей внутренней политики.

Кроме вышеприведенных, сообщенных самой обвиняемой Перовской, сведений о ее прошлом, из дела видно: 1) что в 1871 году Софья Перовская, бывшая тогда 18 лет от роду, привлекалась к дознанию о Николае Гончарове и тайном кружке, в состав которого входили, кроме Гончарова, обвинявшиеся впоследствии в государственных преступлениях Натансон, Чудновский, Чайковский и др.; 2) что по делу о преступной пропаганде в империи Перовская привлекалась к суду по обвинению в принадлежности к тайному преступному кружку «чайковцев», образовавшемуся в 1873 году, но была оправдана.

Обвиняемая Гесья Мирова Гельфман, не признавая себя ни в чем виновной, первоначально отказалась дать какие-либо объяснения как по содержанию предъявленных к ней обвинений, так и вообще по обстоятельствам настоящего дела, а затем на допросе 12 марта сего года, по признанию ее свидетелем Усманом Булатовым за личность, жившую в доме № 27—1 по Троицкому переулку под именем Николаевой, показала, что она действительно жила в этой квартире, которая была «конспиративной», с человеком, называвшимся ее мужем, Андреем Николаевым; настоящего же имени его она сказать не желает. Здесь бывали у них Желябов, Перовская и человек, умерший 1 марта в Придворном госпитале, известный ей, Гельфман, под именем «Михаила Ивановича» или «Котика». Здесь же, у Гельфман и ее сожителя, помещалась тайная типография «Рабочей газеты», первый номер которой, а также «Программа рабочих членов партии» и были ими напечатаны, причем она, Гельфман, исполняла обязанности наборщицы. «Рабочую газету» она сама раздавала между рабочими. Желябов был сотрудником этой газеты, печатание которой у них в квартире прекратилось недели за две до переезда обвиняемой из Троицкого переулка, когда все принадлежности типографии были куда-то увезены от них. После того как называвшийся мужем ее Николаевым был, по выражению Гельфман, «отозван по делу», она вместе с Саблиным, который под именем Фесенко-Навроцкого назывался также ее мужем, переехала в дом № 4 по Тележной улице.

По имеющимся в деле сведениям, Гесья Гельфман была осуждена в 1877 году по делу о распространении книг преступного содержания в губерниях Московской и других и приговорена Особым присутствием Правительствующего сената за принадлежность к преступному тайному сообществу (по 2 отд. ст. 250 Уложения о наказаниях) по лишении всех осо-

бренных прав и преимуществ к заключению в рабочем доме на два года. Приговор этот был обращен к исполнению, причем срок содержания Гельфман в рабочем доме истек 7 марта 1879 года.

Обвиняемый Тимофей Михайлов, отказываясь отвечать на большую часть предложенных ему вопросов, между прочим и на вопросы о предметах обвинения, признал свою принадлежность как к той части «Русской социально-революционной партии», которая придерживается террористического направления, так, в частности, и к «боевой рабочей дружине», имеющей, по его словам, целью охранять рабочих от их врагов, например от шпионов, а также подвергать избиению нелюбимых рабочими мастеров. Дружину эту обвиняемый называет «террором». Третьего марта он пришел в дом № 5 по Тележной улице по приглашению своего товарища, назвать которого не желает. Все, что в показаниях Рысакова относится до него, Михайлова, он признает ложью. Перед задержанием своим он проживал на углу Дегтярной и 5-й улицы Песков, в доме № 33–14 под именем и по паспорту черниговского мещанина Сергея Лапина.

По собранным при дознании сведениям, Тимофей Михайлов, по прозвищу Махров, ремеслом котельщик, прибыл в С.-Петербург с родины лет шесть тому назад и затем работал на разных заводах, причем, по удостоверению сына дьячка Александра Беличева, работавшего вместе с Михайловым на заводе Фридланда, Михайлов уже года полтора тому назад, по-видимому, принадлежал к тайному сообществу или кружку рабочих, в котором читались запрещенные брошюры и газета «Земля и воля». По показанию брата Тимофея Михайлова, Григория Михайлова, он жил вместе с братом в начале февраля на заводе, бывшем Макферсона, где Тимофей Михайлов проработал всего полтора дня и затем, взяв свой паспорт, ушел, после чего брат его уже более не видел.

VIII

Сверх вышеизложенных предметов настоящего дела на обвиняемых Андрея Иванова Желябова и Софью Львову Перовскую падает еще обвинение в участии вместе с другими лицами: на первого – в покушении на жизнь священной особы его императорского величества, произведенном 18 ноября 1879 года близ города Александровска Екатеринославской губернии, а на вторую – в таковом же покушении, совершенном 19-го того же ноября близ города Москвы, на линии Московско-Курской железной дороги.

1. К изобличению Желябова в вышеуказанном преступлении служат следующие данные дознания:

Привлеченный к дознанию по обвинению в убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина, совершенном 9 февраля 1879 года в городе Харькове, и в покушении на жизнь священной особы государя императора, совершенном 2 апреля 1879 года, сын купца Григорий Гольденберг, ныне умерший, в показании своем, данном в мае 1880 года, между прочим объяснил, что во второй половине июня месяца 1879 года в городе Липецке Тамбовской губернии состоялся общий съезд деятелей социально-революционной партии России для пересмотра программы народнической партии и совещания о мерах противодействия строгим правительственным распоряжениям. В числе лиц, собравшихся в Липецке в количестве около 15 человек, на съезде этом был крестьянин Андрей Иванов Желябов, проживавший в то время под именем Чернявского. Совещания Липецкого съезда привели к решению предпринять целый ряд покушений на жизнь священной особы государя императора, и между прочим – произвести взрыв полотна железной дороги близ города Александровска Екатеринославской губернии во время следования императорского поезда по пути из Крыма. По словам Гольденберга, в двадцатых числах сентября месяца 1879 года в город Харьков прибыли: некто Кошурников и Андрей Пресняков (ныне казненный), которые привезли с собой

около трех пудов динамита и проволоку для употребления их при взрыве близ города Александровска; в то же время в городе Харькове устраивали сходки для обсуждения вопроса о способе осуществления этого посягательства на жизнь государя императора. Здесь Гольденберг и Желябов (под именем Борисова), доказывая на сходках необходимость террористического образа действий, подготавливали все нужное для приведения в исполнение своего преступного умысла.

Из числа лиц, участвовавших на сходках, Желябову, Акимовой (то же – Баска) и ныне осужденным Тихонову и Окладскому было поручено произвести взрыв под императорским поездом в городе Александровске, куда Желябов после этого и отправился под именем купца Черемисова. В октябре же месяце 1879 года, как удостоверили спрошенные при дознании свидетели – мещане Тимофей и Марья Бовенко, в гор[од] Александровск приехал молодой человек, назвавшийся ярославским купцом Черемисовым, и стал хлопотать об отводе ему участка земли для устройства кожевенного завода. Получив разрешение думы на устройство этого завода, он выбрал себе участок земли близ полотна железной дороги, но в отводе этого участка ему было отказано, после чего он указал другой участок, вблизи селения Вознесенки, в стороне, противоположной от железной дороги. В конце октября месяца Черемисов (Желябов) поселился в доме мещан Бовенко с какой-то женщиной, которую он называл своей женой; с этого времени у него стали появляться новые лица, из коих двое оставались и жили у него – один около месяца, а другой несколько дней; постоянно говоря со своими хозяевами и соседями о своем намерении устроить кожевенный завод, он, однако же, не принимал никаких мер к его устройству; в половине ноября месяца выехала из города Александровска женщина, называвшая себя женой Черемисова, а в двадцатых числах ноября уехали оттуда Черемисов и находившиеся с ним в сношениях два лица; при этом Черемисов наскоро продал имеющихся у него лошадей и телегу и оставил в доме Бовенко всю мебель. По справке в Ярославской мещанской управе, паспорт, предъявленный Черемисовым в Александровском уездном полицейском управлении, оказался подложным.

Указанные Гольденбергом как бывшие кроме Желябова участниками злодейского покушения на жизнь государя императора в городе Александровске, Андрей Пресняков, Яков Тихонов и Иван Окладский сознались в этом преступлении и были осуждены за это приговором С.-Петербургского военного окружного суда, состоявшимся в октябре 1880 года; Якимова (*sic!*) же осталась неразысканной. Из показаний упомянутых осужденных, а также из протокола осмотра места закладки ими динамитной мины видно, что два медных цилиндра с динамитом и другие приспособления для работ по устройству взрыва были заблаговременно привезены кем-то из злоумышленников в город Александровск, в квартиру Бовенко. В течение двух ночей производилась работа по укладке проволоки от грунтовой дороги, идущей от города Александровска в окрестные селения, к полотну железной дороги, на четвертой версте от города по пути к станции Лозовая; затем последовала самая закладка двух цилиндров с динамитом под шпалы, где они были уложены один от другого на расстоянии 34 сажень; проволока, проложенная от проезжей дороги до обрыва, спускалась в овраг и затем, поднимаясь на насыпь железнодорожного пути вышиной в 11 сажень, соединялась там с заложенными под шпалы цилиндрами, а от них шла к ближайшему цинковому листу, который сообщался со вторым листом, уложенным в семи саженьях от проезжей дороги и, в свою очередь, соединившимся проволокой с аппаратом, помещенным в телеге в момент неудавшегося взрыва. 16 ноября Пресняков, поселившийся в г[ороде] Симферополе для получения сведений о времени выезда государя императора из Крыма, приехал в г[ород] Александровск и сообщил своим единомышленникам, что государь император проследует чрез Александровск 18 числа того же месяца. В этот последний день, часов в 9 утра, Тихонов, Желябов, Окладский и Пресняков, поместив в телегу аппарат, поехали к тому месту, где у них были заложены минные проволоки, и здесь Окладский, вынув из земли концы проволоки, передал

их Желябову; когда императорский поезд вышел со станции и несколько вагонов его прошли уже над тем местом, где была положена мина, по сигналу Окладского «Жарь!» – Желябов сомкнул цепь, но по неизвестной причине взрыва не произошло, и императорский поезд проследовал благополучно мимо злоумышленников. По исследовании цилиндров, найденных по указанию осужденного Тихонова под шпалами, эксперт генерал-майор Федоров нашел, что цилиндры эти представляют собой две мины, снаряженные магниальным динамитом и снабженные электрическими запалами, причем один цилиндр сполна наполнен динамитом, а другой – только до половины. Спрошенный в качестве обвиняемого, по задержании его 27 февраля в Петербурге, Желябов объяснил, что как член социально-революционной партии, он для осуществления идеи уничтожения правителей и по поручению Исполнительного комитета организовал покушение близ г[орода] Александровска и принимал в осуществлении его непосредственное участие.

2. Обстоятельства покушения 19 ноября 1879 года на линии Московско-Курской железной дороги представляются, как выяснено дознанием, в следующем общем виде:

19 ноября 1879 года, в одиннадцатом часу вечера, на третьей версте от московской станции Московско-Курской железной дороги во время следования в Москву поезда с императорской свитой был произведен взрыв полотна железной дороги, вследствие чего произошло крушение поезда, в котором злоумышленники, очевидно, предполагали присутствие в Бозе почившего государя императора. По удостоверению управляющего Московско-Курской железной дорогой и помощника начальника первой дистанции Потемкина, входившие в состав этого поезда два паровоза и первый багажный вагон оторвались, один багажный вагон повернулся вверх колесами и восемь вагонов сошли с рельсов с более или менее значительным повреждением, но при этом ни лица, следовавшие на поезде, ни посторонние лица не понесли никаких повреждений.

При осмотре места взрыва было обнаружено, что он был произведен посредством мины, заложенной под полотно железной дороги и проведенной из нижнего этажа дома, расположенного в 20 саженях от железнодорожного пути и купленного незадолго перед тем личностью, именовавшею себя саратовским мещанином Сухоруковым; из нижнего этажа этого дома была выведена имевшая вид трехгранной призмы галерея размером 0,37 саж[еней] в основании, 0,5 саж[еней] в высоту, обшитая в основании и по бокам досками; при осмотре упомянутого дома оказалось, что взрыв был произведен при посредстве спирали Румкорфа, находившейся в сундуке, стоявшем в верхнем этаже, и гальванической батареи, помещенной в сарае. Два проводника, покрытые слоем земли, шли от батареи по двору до стены дома и затем поднимались по плинтусам во второй этаж, где они, соединившись со спиралью Румкорфа, спускались по стене в нижний этаж дома и затем вступали в галерею, ведущую к мине, заложенной на глубине около двух сажен под рельсами. Около батареи, в сарае, имелось отверстие, через которое можно было удобно наблюдать за железнодорожным путем.

По заключению экспертов, на устройство означенного подкопа потребовалось не менее 20 дней, причем работа эта, по их мнению, производилась не менее чем двумя, а скорей и большим числом лиц; самый взрыв был произведен одним из взрывчатых составов, относящихся к группе содержащих в себе нитроглицерин.

Допрошенными при дознании свидетелями: Анной Трофимовой, вдовой купца Матрeной Суровцевой, крестьянином Алексеем Морозовым, мещанкой Александрой Кузьминой, Василием Кононовым, Ириной и Иваном Седоковыми – удостоверено, что Сухоруков появился в Москве в первых числах сентября месяца 1879 года с женщиной, именовавшеюся его женой; первоначально он поселился в доме Кузьмина у Чистых прудов, в Кривом переулке, а 13 сентября приобрел покупкой дом у мещанина Коконова при посредничестве мещанки Трофимовой; 19 сентября он переехал в этот дом и, удалив оттуда жильцов

под предлогом необходимых в доме переделок, приступил к вырытию в нижнем этаже дома выгребной ямы. После того окна нижнего этажа были наглухо заколочены, двери же заперты, а в дом были привезены доски и железные трубы, найденные впоследствии в минной галерее. Сухоруков оставался в Москве вместе с жившей с ним женщиной до взрыва императорского поезда, а вслед за взрывом оба они скрылись.

Дознанием обнаружено, что по подложному паспорту на имя Сухорукова проживал архангельский мещанин Лев Николаевич Гартман, скрывающийся в настоящее время за границей; проживающая же с Гартманом женщина, именовавшая себя его женой, была признана свидетельницей Марьей Соловьевой в предъявленном ей фотографическом снимке обвиняемой Софьей Львовою Перовской.

По предъявлении того же снимка свидетельницам Ирине Седоковой, Анне Трофимовой и Екатерине Григорьевой, они показали, что изображенная на этом снимке личность очень похожа на женщину, называвшую себя женой Сухорукова.

Участие Перовской в устройстве подкопа и взрыва под полотном Московско-Курской железной дороги выяснилось главным образом из показаний обвинявшегося в государственных преступлениях ныне умершего сына купца Григория Гольденберга, который по задержании его 14 ноября 1879 года на станции железной дороги Елизаветград признал себя виновным в приготовлениях к означенному взрыву и указал своих соучастников в этом посягательстве на жизнь государя императора. По показанию Гольденберга, в половине октября 1879 года в город Харьков приехал участвовавший в Липецком съезде и ныне осужденный государственный преступник Степан Ширяев и, сообщая о подробностях преступления, предположенного в Москве, объяснил, что там на имя Сухорукова куплен уже дом, из которого ведется галерея под полотном железной дороги при участии: Гартмана, студентов Гришки и Арончика, Александра Михайлова и Софьи Перовской, именовавшей себя Мариной Семеновою – женой Сухорукова. Вследствие этих сведений Гольденберг приехал в Москву и, присоединившись к кружку названных лиц, принимал участие в работах по устройству подкопа; в то время между ними уже было решено, что для самого производства взрыва должны остаться в доме Сухорукова Ширяев и Перовская, а остальные участники должны были выехать оттуда накануне прибытия в Москву императорского поезда; Перовской было поручено наблюдать у полотна железной дороги за приближением поезда, а Ширяеву – сомкнуть цепь по сигналу, данному Перовской, которая очень гордилась возложенным на нее поручением.

Ширяев, задержанный в декабре месяце 1879 года в Петербурге, подтвердил сущность приведенных выше объяснений Гольденберга и добавил, что перед самым проездом государя императора состоявшееся у них решение о распределении занятий при взрыве было изменено, причем вместо него, Ширяева, в доме остались для производства взрыва Гартман и Перовская.

Обвиняемая Софья Перовская на допросе при дознании по настоящему делу объяснила, что действительно осенью 1879 года она под именем жены Сухорукова – Марины Семеновою поселилась вместе с этим последним в доме, купленном им в Москве, в Рогожской части, и проживала там во все время ведения подкопа под полотном Московско-Курской железной дороги; 19 ноября она вышла из дома около 10 часов вечера, а в момент взрыва находилась дома с целью отвлечь подозрение полиции, если бы последняя явилась к ним в это время; в сарае же в момент взрыва для соединения батареи было другое лицо, имени которого она назвать не желает.

IX

Изложенные обстоятельства совершенного 1 марта сего года злодейского посягательства на жизнь священной особы государя императора несомненно указывают на непосредственную и тесную связь его с рядом покушений на таковое же злодеяние, совершенных в последнее время тайным сообществом лиц, именующих себя членами «Русской социально-революционной партии». Сформировавшаяся около лета 1879 года, как обнаружено при расследовании и рассмотрении в ноябре 1880 года в С.-Петербургском военном окружном суде дела об осужденных им 16 государственных преступниках, в так называемую «террористическую фракцию», она поставила себе задачей стремиться к ниспровержению существующего государственного строя путем политической борьбы, вернейшим средством которой, по ее воззрениям, должны были служить повторяемые в случае неудачи покушения на цареубийство. Плодами такой решимости явились последовательные покушения на жизнь его императорского величества: 18 ноября 1879 года близ Александровска Екатеринославской губернии; 19 того же ноября близ города Москвы на линии Московско-Курской железной дороги и, наконец, 5 февраля 1880 года посредством взрыва в Зимнем дворце. В печатных объявлениях от «Исполнительного комитета», появляющихся после каждого из этих покушений, злоумышленники не только провозглашали совершение их от имени своей так называемой «партии», но и дерзостно заявляли о твердом намерении своем продолжать дело крови, бунта и цареубийства.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.